

Сандра Барро

Госпожа Туманова
Коллекция проклятий

НЕВСКИЕ СТРАЖНИЦЫ

Невские стражницы

Сандра Барро

**Госпожа Туманова.
Коллекция проклятий**

«Автор»

2026

Барро С.

Госпожа Туманова. Коллекция проклятий / С. Барро — «Автор», 2026 — (Невские стражницы)

Когда мир вокруг рушится, и ты не знаешь, где взять силы, остаётся одно — уехать подальше. Экскурсия в Карелию, полностью изменила мою жизнь, и именно там, она пошла не по плану. Я, Туманова Полина Андреевна — попаданка в Российскую Империю. Ловец паразитов, «пиявок» и архивариус проклятий. Но впереди ждёт нечто большее, чем охота за нечистой: встреча с мужчиной, который перевернёт мою жизнь. Любовь и страсть станут новыми врагами, которые проверят меня на прочность.

© Барро С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	46
Глава 15	49
Глава 16	52
Глава 17	55
Глава 18	59
Глава 19	63
Гла	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сандра Барро

Госпожа Туманова. Коллекция проклятий

Глава 1

Я проснулась внезапно, словно кто-то невидимый толкнул меня в плечо. Сердце сделало странный, рваный кувырок и затихло, возвращаясь к обычному ритму.

Приоткрыла глаза. Мир привычно расплывался, превращаясь в набор цветных пятен. В щели плотных штор, кажется, это был «блэкаут», за который мы переплатили тысячу рублей при аренде, – нагло пробивался яркий луч. День обещал быть солнечным, несмотря на то, что конец мая в этом году выдался плаксивым, и последнюю неделю небо над Подмосковьем напоминало грязную серую тряпку, из которой бесконечно выжимали воду.

В голове тут же всплыла примета, которую на днях щебетала Светка: «Дождь на свадьбу – к долгой и счастливой жизни, Польша, точно тебе говорю». Если верить народной мудрости, то мы с Димой были обречены на счастье железобетонно. Ведь, по сути, моя роспись состоялась неделю назад в обычном МФЦ под аккомпанемент унылой мороси и шуршание шин по мокрому асфальту за окном. Мы тогда быстро расписались, буднично, как будто ипотеку оформили, а не семью создали.

Но сегодня... Сегодня была «настоящая» свадьба. Та самая, к которой я шла семь долгих лет.

Я, Полина Андреевна Кравец, двадцати девяти лет от роду, наконец-то могла выдохнуть. Я стала женой. Не на бумаге, а перед лицом, так сказать, общественности.

Праздник должен был пройти здесь, в элитном коттеджном посёлке «Лесные Дали», недалеко от нашего микрорайона. Дима расстарался. На огромной, ухоженной территории, огороженной высокими туями, располагались два дома в стиле шале. Один – огромный, с панорамными окнами и террасой, отдали на растерзание молодёжи. Второй, поменьше и потише, предназначался для пожилых родственников, чтобы басы сабвуфера не провоцировали гипертонические кризы.

Димка потратил на это мероприятие кучу денег. По моим скромным подсчётам, вышло около миллиона. Может, даже больше, если учитывать банкетное обслуживание и тот элитный алкоголь, который закупал через знакомых. Он не скупился.

— Всё должно быть идеально, Польша, — говорил он, хмуря брови и сверяясь с таблицей в экселе. — Чтoб никто не сказал, что мы экономим.

Именно сегодня все родственники должны нас поздравить «как положено». Во дворе, на изумрудном газоне, рабочие уже установили кованую арку. Я представляла, как её сейчас увивают белыми розами и плющом (искусственными, конечно, но очень качественными, «премиум-класс», как уверяла флористка). Там весёлая тамада, переодетая в строгого регистратора, с папкой в руках, задаст мне сакраментальный вопрос: «Согласна ли вы, Полина...». А я отвечу «да», глядя в камеру нанятого видеографа.

Всё это — ради бомбических фотографий. Ради того, чтобы выложить их в соцсети с хэштегом #семья и, наконец, заявить всему миру и каждой бывшей однокласснице: я теперь замужем. Я – нормальная. У меня «всё как у людей».

Я посмотрела на циферблат. Через час должны прийти девочки-стилисты. Накрасить, соорудить на голове что-то воздушное и сложное. Приводить в порядок добрую половину гостей они уже начали. Вернее, гостей. Родственников у Димы было много, какой-то бесконечный клан бабушек, тётушек, кузенов и троюродных братьев. С моей же стороны – жидкий строй: две подружки, Светка и Карина, да жена моего отца, Валентина Николаевна.

Назвать её мачехой у меня язык не поворачивался. Она появилась в нашей жизни, когда мне было десять, и тихо, без нажима, заменила мне маму, сгоревшую от онкологии за полгода. Валентина Николаевна была моим тылом. Единственным, который остался.

Папа тоже ушёл внезапно. Тромб. Мгновенно. Просто упал на кухне, пока наливал воду в чайник. Главного мужчины в моей жизни не стало за секунду, и мир тогда опасно пошатнулся, грозясь рухнуть мне на голову. Я выжила только благодаря привычке наблюдать и анализировать, а не истерить. Ну и благодаря Диме. Хотя тогда мы ещё только присматривались друг к другу.

У меня практически не было серьёзных отношений до него. Пару походов в кино с ребятами из архивного отдела, неловкие поцелуи у подъезда – это не в счёт. Я была слишком... сложной. Слишком внимательной. Мужчины не любят, когда на них смотрят так, будто читают мелкий шрифт в договоре.

Вот тогда и появился Димка. Серьёзный, ответственный, немного приземлённый. Ну и пусть он не любил телячьих нежностей и не писал стихов. Моей любви хватало на двоих. Иногда, конечно, его прорывало. Он мог, глядя в сторону, буркнуть что-то о том, как я ему дорога. Но звучало это всегда как констатация факта: «Волга впадает в Каспийское море», «Ты мне нужна».

Когда я начинала заводить разговоры о свадьбе, он обычно раздражался.

— Поль, ну куда спешить? — морщился он, откладывая планшет. — Нужно крепче встать на ноги. Карьеру построить. Ипотеку закрыть. Куда нам сейчас этот балаган?

Но я по гороскопу «вода»: умею точить камень. И после очередного повышения, став начальником отдела логистики – Дима сдался. Даже, кажется, воодушевился, хотя его воодушевление больше напоминало азарт менеджера перед датой сдачи проекта.

Вспоминая это, я улыбнулась сама себе, потянувшись к прикроватной тумбочке и привычным движением нащупала очки. Мир мгновенно обрёл резкость. Пятна превратились в предметы: кресло с брошенным платьем, дорожная сумка, бутылка воды. Я повернула голову.

Подушка рядом была смята: муж уже встал. Он был жаворонком, любил посидеть с утра в тишине с чашкой крепкого кофе, просматривая новости. Но сегодня, скорее всего, Димка уже внизу, контролирует процесс. Гоняет рабочих с аркой, проверяет расстановку стульев. Перфекционист.

Я спустила ноги с высокой кровати, сунула ступни в мягкие тапочки. Собрала волосы в небрежный хвост, стянув их резинкой, и накинула белый махровый халат. Полы халата были длинноваты, и я выглядела в нём, наверное, как ребёнок в отцовской рубашке.

Внизу, в просторной гостиной, совмещённой с кухней, пахло вчерашним весельем и свежим кофе. На барной стойке громоздились коробки с пиццей, какие-то пакеты.

Каринка со Светой уже проснулись. Они сидели за столом, поджав ноги. Карина – в шелковой пижаме, Света – в футболке с принтом.

— Доброе утро, страна! — прохрипела я, спускаясь по лестнице.

Димы с его друзьями – шумным Федькой, вечно ржущим Илюхой и молчаливым Вадиком — не было видно. Должно быть, на улице, курят или помогают.

Я зевнула, подошла к девчонкам и выразительно покосилась на пустые бокалы из-под шампанского, стоящие рядом с чашками. На дне одного ещё пузырилась золотистая жидкость.

— Вы что, с утра уже? — я упёрла руки в бока, стараясь говорить строго. — Девочки, не наклюкайтесь раньше времени. Нам ещё фотосессию пережить. Вы же хотели «хорошие фотки с подружками невесты». А с опухшими лицами мы будем похожи на рекламу средства от похмелья.

Кудрявая, темноволосая Карина рассмеялась, откидывая гриву волос назад:

— Ой, не нуди, Кравец! Ну выпили по грамульке, чисто для блеска глаз. Видишь, чай гоняем, реабилитируемся.

Я оглянулась по сторонам. Огромные окна в пол выходили на террасу. Оттуда тянуло прохладой, но дверь была закрыта.

— А где все-то? — спросила я, чувствуя лёгкий укол беспокойства. — Тишина, как в библиотеке.

Светка, не отрывая взгляда от телефона, где она с пулемётной скоростью строчила кому-то сообщение, дунула на свою длинную белобрысую чёлку.

— Парни, кто где, — лениво ответила она. — Федька с Серёгой пошли помогать украшать арку, говорят, там каркас хлипкий. Илья с Вадиком, герои наши, поехали на станцию встречать тамаду. У этой звезды корпоративов, видите ли, машина сломалась на полпути, пришлось ей на электричке пилить. А мы теперь спасательную операцию организуем.

Она, наконец, оторвалась от экрана, прищурилась и хитро улыбнулась:

— А муж твой сказал, что пойдёт по посёлку прогуляться. Волнуется небось. Проветриться захотел перед «казнью». Хотя чего волноваться? Всё уже... Охмутала наша тихоня жеребца, накинула седло, затянула подпругу. Теперь никуда не денется.

— Не завидуй, Свет, — парировала я, наливая себе воды. стакан в руке слегка дрогнул. — Будет и на твоей улице праздник. Лучше присмотришься к Федьке. Головастый парень, Бауманку закончил, между прочим. Перспективный.

— Ага, перспективный, головастый и ушастый, — фыркнула Света. — Душный, как наша бухгалтерия перед годовым отчётом.

Я подошла к окну. Солнце действительно заливало двор, заставляя мокрую после вчерашнего дождя траву сверкать, как рассыпанные изумруды. Рабочие в синих комбинезонах возились у конструкции, напоминающей скелет кита — будущей арки. Федя и Серёга стояли рядом, размахивая руками и, судя по жестике, давая «ценные указания».

Димы нигде не было.

Глава 2

Странно. Мой теперь уже муж не любил бесцельные прогулки. Он называл их «тратой ресурса». Если куда-то шёл, то у него была цель. Магазин? Нет, всё закуплено. Проверить второй дом? Вряд ли там старики.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Моя интуиция, та самая, что помогала безошибочно определять поддельные печати, вдруг тихонько царапнула изнутри. Еле слышно. Как мышь за плинтусом.

Что-то не так.

— Пойду найду его, — сказала я, ставя стакан на стол. — Может, помощь нужна, а телефон забыл.

— Ой, да оставь ты мужика в покое на пять минут! — крикнула вслед Карина, но я уже накинула на плечи джинсовку поверх халата и сунула ноги в уличные кроссовки, стоявшие у двери. Вид у меня был ещё тот: белый махровый халат, джинсовая куртка оверсайз и грязные «найки». Невеста века.

Я вышла на крыльцо. Воздух был чистым, звонким, пах листвой и немного дымком, кто-то из соседей уже топил баню или жёг прошлогодние ветки.

Я прошла мимо рабочих.

— Бог в помощь! — кивнула я.

— Стараемся, Полина Андреевна! — отозвался Федя. — Арка будет – во! Век простоит!

— Век не надо, достаточно до вечера. Диму не видели?

— Да он туда пошёл, — Федя махнул рукой в сторону небольшой рощицы, которая отделяла участок от декоративного пруда в центре посёлка. — Минут двадцать назад. С телефоном был. Мрачный какой-то. Я ему говорю: «Димон, расслабься!», а он только рукой махнул.

Мрачный. С телефоном.

В груди снова шевельнулось неприятное чувство. Может, по работе? В субботу утром? В день свадьбы? У него был принцип: выходные – это святое.

Вокруг было тихо, только где-то вдалеке лаяла собака. Коттеджный посёлок ещё спал. Богатые люди любят поспать в субботу.

Пройдя по дорожке, выложенной плиткой, я вошла под тень деревьев. Здесь было зябко. Запахнув поплотнее куртку, я поправила очки, которые всё время сползали на кончик носа. Зрение у меня было минус шесть, и без очков этот лес превратился бы в набор импрессионистских мазков. А я любила чёткость.

Мужа нигде не было. Я ещё немного постояла, чувствуя, как начинаю замерзать, и пошла назад к дому. Войдя в освещённый холл, я с разочарованием отметила, ничего не изменилось.

— Ладно, я в душ. Надо голову помыть, — сказала я, направляясь к ванной.

— Давай иди, — кивнула Карина. — А то парикмахерши скоро придут. В соседнем домике, кажется, уже все хорошие. Я сейчас там была. Боже, что творится! Дым коромыслом, танцы, смех. Какого-то соседа с гармошкой нашли. Бабульки – красотки, в платьях дефилируют по двору. Вот умеет же их поколение веселиться, не то что мы, — Карина вздохнула. — Иди уже, соня, а то чуть свадьбу не проспала.

Я улыбнулась. Это было так похоже на мою черноглазую подружку. Всегда немного драматизировать, но при этом излучать неподдельный восторг. Я действительно была соней. И сейчас, когда в животе что-то тревожно сжималось, мне вдруг показалось, что проспав этот длинный, сложный, эмоциональный день было бы идеальным вариантом.

Дальше всё понеслось, как в калейдоскопе. Душ, завтрак, который пришлось проглотить на ходу. Прибежали девчонки, парикмахеры-визажисты. Началась суматоха, смех, разговоры,

от которых у меня начала слегка побаливать голова. Они щебетали, красили, завивали, подбирали невидимки.

В скором времени я сидела возле зеркала и смотрела на своё отражение. Передо мной была совершенно незнакомая, потрясающая девушка с изысканным макияжем, который так удачно оттенял мои большие, синие глаза. Тушь удлиняла ресницы, тени добавляли глубины взгляду. Даже очки не портили этот образ, а подчёркивали элегантность. Мои тёмно-русые волосы, слегка растрёпанные утром, были аккуратно уложены в сложную причёску.

Уже наряженные подруги с восхищением поглядывали на меня улыбаясь. Светка даже прослезилась, помахивая рукой перед глазами.

— Господи, Польша, я не верю! — всхлипнула она. — Моя девочка, умница, красавица! Наконец-то!

В этот торжественно-слезливый момент дверь резко распахнулась, и на пороге появился Дима. Он выглядел непривычно собранно.

Каринка тут же замахала на него руками, вставая между ним и мной, как стена.

— Куда, куда? Нельзя пока видеть невесту! Примета плохая!

Но Дима не обратил на её слова никакого внимания. Его взгляд, кажется, прошёл сквозь неё, остановившись на отражении в зеркале. Он шагнул вперёд, минуя подруг, и тихо сказал, не отводя глаз от моего лица:

— Выйдите все. Мне нужно поговорить с Полиной. Наедине.

Его лицо было сосредоточенным, застывшим. Девчонки переглянулись, визажист замерла с кисточкой, Света открыла рот, чтобы что-то сказать, но Карина, более чуткая, потянула её за рукав. Повисла странная, неловкая пауза, и я повернулась к нему, всё ещё улыбаясь.

— Уже почти готова, — сказала я, и голос прозвучал неестественно звонко в этой внезапной тишине. — А ты почему не одеваешься? Галстук не можешь выбрать?

Он просто смотрел на меня, как обычно делал, когда говорил что-то важное и неприятное. Улыбка медленно сползла с моих губ, превратившись в застывшую гримасу.

— Свадьбы не будет, — произнёс он. Слова повисли в воздухе, словно тяжёлые капли дождя. Голос был ровным, без единой эмоции. — Я уезжаю.

Мир снова потерял чёткость. На этот раз – не из-за близорукости.

— Ты шутишь? — мой голос прозвучал глухо, словно через вату. Я даже попыталась улыбнуться, надеясь, что это какой-то идиотский розыгрыш, один из тех, что так любят его друзья. — Это плохая шутка, Дим.

— Я не шучу, — он стоял ко мне вполоборота, уже не глядя на ту самую «потрясающую девушку» в зеркале. — Я принял решение. Это всё ошибка.

— Что ошибка?! — я медленно поднялась со стула. Ноги казались деревянными. — Мы расписались неделю назад. Ты мой муж. Твои родственники приехали сюда... Деньги... — слова вылетали из меня бессвязным потоком, цепляясь за какие-то глупые материальные вещи, потому что разум отказывался принимать главное. — Мои чувства к тебе... Или наша любовь?!

Мне хотелось крикнуть: «Мои семь лет!» Годы ожидания, планирования, подстраивания под него, семь лет моей молодости, положенные на алтарь этого «мы». Но горло перехватило спазмом.

— Брак аннулируем, — отчеканил он, глядя куда-то в сторону окна. Голос был ровным, деловым. Так, он обычно обсуждал поставки на работе. — Родственники переживут. Деньги я заработаю. Мы расстаёмся.

Он резко повернулся, чтобы уйти, как будто сейчас только что отменил рядовую деловую встречу, которая стала неактуальной. Просто вычеркнул пункт из ежедневника.

— Почему? — спросила я. Крик застрял внутри, превратившись в тихий, дрожащий шёпот. — Почему сейчас? А не вчера, не месяц назад? Почему довёл до этого?

Он остановился у самой двери, рука замерла на ручке. Секунда тянулась, как вечность. Я ждала, что он сейчас обернётся, рассмеётся, скажет, что проверял меня. Или хотя бы объяснит, придумает другую женщину, болезнь, кризис среднего возраста... хоть что-то человеческое.

Но он ответил, не оборачиваясь, глядя в пространство перед собой:

— Потому что я только сейчас окончательно понял. Что не хочу. Не буду. Я не люблю тебя. Всё.

Дверь хлопнула. Звук был коротким, как выстрел.

Я осталась стоять посреди комнаты в белом платье, с идеальной причёской и макияжем, который предназначался для фотографий счастливой невесты. В зеркале отразилась женщина с огромными, неестественно расширенными глазами.

— Поль... — робко подала голос Света, приоткрыв дверь.

Но я её не слышала. В ушах нарастал странный гул. Не люблю. Не хочу. Не буду. Словно три гвоздя в крышку гроба моей нормальной жизни. Я чувствовала, как внутри, где-то в районе солнечного сплетения, начинает разливаться ледяной холод.

Я медленно села обратно. Взгляд упал на бокал с шампанским, который Каринка налила мне «для храбрости» полчаса назад. Пузырьки поднимались вверх, весёлые и беззаботные.

«Ошибка», — эхом отдалось в голове.

Я сняла очки и положила их на столик. Мир снова стал расплывчатым пятном. Так было лучше. Видеть этот праздник, который превратился в фарс, мне больше не хотелось.

Глава 3

1883 год от Рождества Христова. Гатчина. Резиденция Александра III

Обер-прокурор Святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, привычно одёрнув свой китель, зашёл в кабинет императора. Александр Третий встретил его приветливо, что вызвало облегчение у политика, знающего не понаслышке не самый простой характер государя.

— Осмелюсь доложить, Ваше Император...

— Доложите, — благодушно перебил Александр. — Присаживайтесь, Константин Петрович. Разговор, как я понимаю, у нас намечается долгим, а в ногах правды нет. Что нового по нашему делу?

— Все факты проверены и перепроверены. Сомнений не остаётся. На вашего отца напали люди, одержимые бесами или какой-то иной нечистью. Изначально члены организации «Народ и воля» не планировали покушения, но, попав в лапы дьявольских сил, всё же решились на подобное злодейство.

— Это я и без вас знаю. Больше интересует, какие меры вы предприняли, чтобы подобная пакость по столице больше не расползлась... Ну, и по другим городам тоже. Что предприняла для этого ваша хваленая «Священная дружина»? Уж больно много казённых денег мы тратим на её тайное содержание. Но, по слухам, в Санкт-Петербурге становится всё больше и больше необъяснимых явлений.

— Так, — попытался оправдаться Победоносцев, — и место Пётр Великий выбрал для столицы не самое простое. Тут и языческие захоронения раньше были, и болота, хранящие в себе...

— Я знаю, на чьих костях стоит град Петров! — резко потерял терпение император. — И что теперь? С землёй его сравнять, раз вы справиться не можете?

— Никак нет, Ваше Величество. Никак уничтожить нельзя. Но с прискорбием могу констатировать тот факт, что «Священная дружина» непригодна для борьбы с бесовскими проявлениями. Почти все тайно собранные по всей стране и привлечённые к её работе чудодейственные старцы, медиумы и прочие говорящие с духами, оказались либо невменяемыми дураками, либо первостатейными прохиндеями.

— Одних лечить, а других на каторгу! — прозвучал суровый приговор Александра. — Вас самого куда? К первым или ко вторым?

— Куда определите, туда со всем смирением и направлюсь, — вздохнул обер-прокурор. — Но осмелюсь доложить, что всё же и зёрна в этих плевелах обнаружить удалось. Без малого тридцать человек имеют в себе таланты. Слабенькие, правда. Если же приплюсовать к ним...

— Церковь не трогаем. У них свой пост, а у нас — свой.

— Как скажете, Ваше Величество. Я же считаю, что «Священную дружину» необходимо расформировать, оставив лишь небольшой тайный полицейских отряд. И... Я имел самый сложный разговор с Митрополитом. Специально для этого в Москву ездил. Только вчера вечером вернулся. По всем статьям получается: не будет сильных способностей у тех, кто родился и живёт сейчас. Как бы они проявляются, конечно, но не в полной мере. Вот так бывает.

— Да что вы мнётесь, как красна девица! Константин Петрович! Раз уж откровенно говорим, то не держите камень за пазухой.

— Можно набрать необходимые кадры! — собравшись с духом, выпалил Победоносцев. — По роду своей деятельности я знаю о многих тайнах, которые светскому обществу знать не положено. В карельских лесах имеется несколько странных мест, объединённых в общее Место Силы. Оно соединяет прошлое, настоящее и будущее. И если на время оживить языческое

Место Силы, то мы сможем из других времён привлечь души тех, кто справится с нечистью во всех её проявлениях.

— Интересно... — задумался Александр. — Прямо из прошлого чудо-богатырей вызовем? Илью Муромца да Добрыню Никитича?

— Прошлые Митрополит категорически запретил трогать. По его мнению, нельзя людей, когда-то грехов набравших, снова оживлять. Бог дал, Бог взял. Обратно только Сатана из Преисподней всякую нечисть возвращает. Нужно смотреть в будущее. На души, которые в нашем времени нагрешить не успели. Именно такие лучше всех будут чувствовать диавольские козни.

— И кто же к нам придёт? Сколько воинов? И как они найдут дорогу к вашему Месту Силы?

— Того никто не ведает. Но встретим, приветим и к службе подготовим. Монастыри примут избранных. А как найдут дорогу? Избранных путь сам отыщет. Остаётся лишь довериться ему.

— Чудно... Обещаете, что это будут не очередные самозванцы, а хорошие бойцы, чующие нечисть?

— Ваше Величество. Пока в деле не увидим, не узнаем. Но по мне, такой шанс упускать не стоит. Вы не представляете, насколько Митрополит был раздражён тем фактом, что я предложил на время оживить древнее место, что существовало ещё до волхвов-многобожников. Лучше поторопиться с решением, государь. А то ведь Митрополит и передумать может..

— Действуйте, Константин Петрович! — словно шашкой рубанул ладонью воздух Александр. — И смотрите! На этот раз не подведите меня!

Обер-прокурор вышел из кабинета государя и на мгновение задержался в коридоре Гатчинского дворца. Он выдохнул, провёл рукой по лицу. Разговор с Александром Третьим ещё звенел в голове.

Император не повышал голоса, но в его словах сквозила угроза. Он знал, что смерть отца была делом рук людей, одержимых нечистью. Бесовщина... И требовал не оправданий, а решений. Победоносцев снова и снова перебирал сказанное: о бесполезности «Священной дружины» и растущем числе необъяснимых явлений в столице. Государь ясно дал понять: терпение его на исходе.

Чиновник остановился у окна. За стеклом темнел неподвижный парк.

«Будущее...», — подумал он с непривычной для себя горечью. Никогда прежде ему не приходилось иметь с ним дела напрямую.

К вечеру Победоносцев вернулся в свой дом на Литейной. Снял головной убор, аккуратно положил его на консоль у входа. Он не стал переодеваться, а незамедлительно прошёл в кабинет. Константин Петрович сел за письменный стол и уставился в пространство перед собой.

— Позовите ко мне чиновника по особым поручениям, — негромко сказал он, обращаясь к стоявшему у двери камердинеру.

Распоряжения последовали сразу: доступ к архивам особого хранения, тайные фонды Синода. Карельские карты, древние описи, монастырские отчёты и забытые донесения, помеченные грифом «секретно».

Хозяин кабинета понимал: «Священная дружина» доживает последние дни. Старцы, медиумы, провидцы – всё это оказалось пустой оболочкой. Теперь требовалось иное. Люди, не рождённые здесь, пришедшие из другого времени.

«Нерождённые», — снова подумал он. Перекрестился и тихо произнёс:

— Господи, не вмени нам этого во грех.

Через неделю в карельских лесах при полной луне монахи ступали по мху, покрывающему древние гранитные плиты. Они шептали молитвы и втыкали в землю почти истлевшие дубовые колья с вырезанными рунами – наследием веры, которую давно следовало забыть. Святотатство? Несомненно. Но против сил, поднявшихся из тьмы, иных средств не оставалось.

Все дальнейшие события происходили как в замедленной киносъёмке. Я воспринимала суету вокруг, словно через толщу воды. Дом, который ещё утром казался оазисом счастья, мгновенно наполнился шумом и криками. Кто-то ругался на крыльце, кто-то лихорадочно звонил по телефону, отменяя приезд тех, кто уже был в пути.

Праздничный аромат цветов и дорогого парфюма выветрился, сменившись резким едким запахом корвалола и спирта. Приехала скорая для старенькой бабушки Димы, которой стало плохо с сердцем. Скандал нарастал с неимоверной силой, вовлекая в свою орбиту всех, кто оказался рядом.

Отец мужа, Николай Петрович, не в силах поверить в происходящее, сорвался с места и поехал на квартиру. Он надеялся, что это какой-то бред, минутное помутнение. Но застал своего сына спокойно пьющим чай на кухне. На все вопросы, крики и мольбы Дима отвечал только одно, глядя в стену пустыми глазами: «Свадьбы не будет. Не люблю.»

Не выдержав этого ледяного равнодушия, мужчина ударил сына. Дима упал со стула, разбив губу, но, сплюнув кровавую слюну, лишь повторил то же самое в десятый раз. Об этом Николай Петрович рассказал уже позже, когда вернулся в коттедж. Он утирал скупую слезу, а его руки со сбитыми костяшками мелко дрожали от стыда за сына. Видеть крах собственной семьи было для него невыносимо.

Из коттеджа я уехала с Валентиной. Всю дорогу она ругалась, перемежая проклятия в адрес «этого мерзавца» практическими советами. Предлагала немедленно подать в суд на раздел имущества, требовать выплату половины денег, которые я годами вбухивала в его ипотеку.

Зарабатывала я действительно прилично. Моя работа архивистом и коррективщиком аудиозаписей в Институте судебных экспертиз требовала ювелирной точности. Из-за плохого зрения природа наградила меня слухом не на сто, а на двести процентов. Я слышала шёпот за закрытыми дверями, различала фальшь в интонациях на записях и порой находила такие улики в аудиофайлах, которые пропускали все остальные. Была ещё так называемая «халтура», которая порой приносила больше, чем основная зарплата, но сейчас цифры в голове не складывались и суды не волновали.

Несколько дней я просто молчала и лежала, отвернувшись к стене. Внутри было выжженное поле. Особенно после того, как узнала: мой муж, не теряя времени, оплатил пошлину и подал на развод на следующий же день после несостоявшейся свадьбы. Месяц до суда. Месяц до того, как я официально стану чужим человеком для того, кто семь лет был центром моей вселенной. Я не собиралась устраивать истерики и просить его вернуться. Если человек смог так хладнокровно вырезать меня из своей жизни, значит, этой жизни никогда и не было. Разведусь и вычеркну его так же, как и не бывало.

Чтобы хоть как-то меня подбодрить, в один из вечеров Валентина пришла ко мне в комнату и, не включая яркий свет, который я теперь ненавидела, протянула конверт.

— Хватит хоронить себя заживо, — жёстко сказала она, присаживаясь на край кровати. — На, держи. Ты же давно хотела. Поедешь, успокоишься. Место там сильное, может и найдёшь ответ, как тебе жить дальше. А жить надо, дорогая. Назло этому подонку.

Я нехотя повернулась, скорее из вежливости к её заботе, и взяла конверт. Это была путёвка в Карелию.

В голове вдруг всплыло воспоминание, такое яркое, что я почти почувствовала запах озёрной воды. Петрозаводск. Мне двенадцать лет. Онежское озеро. Огромные серые камни с загадочными рисунками. Бесы, лебеди, люди, высеченные тысячи лет назад. Папа держит меня за руку, его ладонь тёплая и надёжная.

«Это место силы, Поинка, — шептал он тогда. — Здесь время течёт иначе. Если тебе когда-нибудь будет совсем плохо...».

Я сжала конверт в руках. Кажется, пришло время проверить, насколько иначе там течёт время.

На следующий день я уже сидела в самолёте авиакомпании «Северсталь». Полтора часа полёта, и я приземлилась в Петрозаводске. Заселилась в гостиницу, долго бродила по центру города, пытаясь заполнить дыру в душе хотя бы северным воздухом. Вернувшись, поужинала в ресторане и легла спать. Завтра в восемь утра меня ждали Беломорские петроглифы. Именно сейчас меня тянуло туда невероятно. В голове всплывали слова отца об этом «месте силы». А их мне не хватало катастрофически: история с Димой вытянула из меня все соки, оставив лишь оболочку.

Утром в составе группы туристов я уже шла по тропам. Старательно прислушивалась к gidу, который водил нас по плитам, испещрёнными едва заметными рисунками древних людей. Но постепенно его монотонный голос стал убаюкивать. Я стояла с открытыми глазами, а перед ними проносились странные видения: старые мосты, тёмная вода, огромные часы... и туман.

Туман...

Глава 4

Внезапно я осознала, что не вижу дорожек. Туман опустился мгновенно, густой и плотный, как молоко. Голоса группы стали глухими, далёкими, будто они ушли на километры. Я огляделась, не понимая, куда идти, и пошла по наитию, продвигаясь в этой белой пустоте, не видя ничего на расстоянии вытянутой руки. Но какая-то непонятная мягкая сила вела меня вперёд. Мне вдруг стало удивительно тепло. Слух обострился до предела: я слышала, как жук на листке потирает лапки, как падает капля воды и хрустит ветка под чьими-то ногами. Ветер шептал сотнями голосов: от мягкого шипения до утробного рычания: «Полина... Полина... Иди сюда... Иди...».

А потом прогремел голос отца. Он крикнул так громко, что в голове вспыхнул взрыв:
— Полина! Открой глаза!

Распахнув веки, закашлялась. Сначала не поняла, где нахожусь. Я лежала на жёсткой деревянной лавке, прикрытая какой-то колючей серой дерюгой. Голова шла кругом, глаза застилала пелена. Я попыталась сесть, и в этот момент тряпка соскользнула вниз, обнажив мою совершенно голую грудь. Схватив эту ветошь, я натянула её до самого подбородка, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Что? Голая?!

Набрав в лёгкие воздуха, я осторожно заглянула под неё. Так и есть. На мне не было ничего. Абсолютно. В голове набатом бился один и тот же вопрос, пульсируя в такт сжимающемуся сердцу: «Что происходит? Где я?!»?

Я сидела, судорожно вцепившись в кусок грубой ткани, который едва прикрывал тело. Где моя одежда и сумка, в которой лежал телефон? Где, в конце концов, моя прошлая жизнь, которая ещё вчера казалась такой понятной, хоть и разбитой вдребезги?

Придерживая одной рукой это подобие простыни, я коснулась лица. Пальцы привычно потянулись к переносице, но не ощутили знакомой тяжести оправы. Там ничего не было.

Паника накрыла с новой силой. Я – одна, без одежды и очков в каком-то лесу у чёрта на куличках... или, если вспомнить место экскурсии, вернее будет сказать: у беса. Я была беспомощна. Без линз мир всегда превращался для меня в размытое месиво из пятен. И сейчас это казалось приговором.

Прищурившись, я продолжала одной рукой прикрывать себя, а другой лихорадочно шарить по лавке. В голове теплилась безумная надежда найти хоть что-то из своих вещей. В идеале – очки, чтобы просто увидеть врага или дорогу. А затем телефон, чтобы вызвать помощь, услышать голос туроператора...

И тут случилось то, чего я боялась больше всего. В тишине раздалось негромкое деликатное покашливание.

Сердце снова зашло в бешеном ритме, выламывая грудную клетку. Я явственно почувствовала, как на виске забилась жилка. Замерев и боясь пошевелиться, медленно сфокусировала взгляд на источнике звука и застыла от удивления. Я видела, будто на мне были самые лучшие линзы в мире.

У грубо сколоченного деревянного стола стоял человек. На нём было странное тёмное одеяние до самого пола, подпоясанное простой верёвкой, а на груди поблёскивал крест. Пожилой мужчина был чрезмерно высоким и худым, отчего, казалось, его фигура неестественно вытянута вверх. Узкое лицо с резкими скулами, прямой нос и тонкие губы. Но больше всего поражали глаза – удивительно ясные, прозрачные.

Он смотрел на меня внимательно, но взгляд не давил. Старик просто ждал, когда я решусь заговорить первая.

— Где я? — мой голос прозвучал хрипло и надтреснуто.

Человек вдруг улыбнулся одними глазами и, не двигаясь с места, произнёс мягким глубоким басом:

— Не бойся, милая. Это хорошее место. А я отец Сергей. Ждал я тебя, да вот только не там нашёл... Заплутали мы с тобой. Ну да ладно, Господь милостив.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— Тебя ведь Аполлинарией нарекли?

Я осторожно кивнула, а затем отрицательно помотала головой, не выпуская из пальцев грубую ткань.

— Нет, я Полина... Полина Андреевна, — добавила я, по привычке устанавливая дистанцию, хотя моя нагота совершенно этому не способствовала. — Где моя одежда? Вещи? И... какой сегодня день?

Отец Сергей чуть склонил голову набок. Я услышала, как зашуршала ткань его рясы.

— Одежда твоя осталась там, откуда пришла ты. Сюда дух нагой является, дабы заново в мир сей облачиться, — он говорил спокойно, как о чём-то само собой разумеющемся. — А день сегодня... Август на исходе, двадцать шестое число. Год тысяча восемьсот восемьдесят третий от Рождества Христова.

В комнате стало так тихо, что я услышала, как за стеной в траве копошится какая-то мелкая живность. Восемьсот восемьдесят третий? Мозг, привыкший работать с архивными датами, мгновенно выдал: Александр III уже два года на престоле. После убийства его отца страна замерла в тревожном ожидании.

— Это... это невозможно, — выдохнула я, чувствуя, как реальность начинает трещать по швам. — Вчера я летела «Северсталью»... Аэропорт, экскурсия...

Я замолчала, потому что мой слух уловил нечто странное. Из-под пола поднимался тонкий, едва различимый гул. Это был не механический звук. Всё это было похоже на звучание сотен невидимых струн, настроенных на частоту, которую обычное человеческое ухо не способно воспринять. «Сверхъестественные частоты» всплыло в голове определение.

Отец Сергей сделал шаг вперёд, двигаясь плавно, почти не касаясь пола. Я смотрела на него, прищурившись. Нет, зрение здесь ни при чём. Я пристально разглядывала его, как фальшивые документы в архиве, в поисках зацепки, неточности, следа клея. Но этот человек был настоящим. От него исходил аромат ладана, восковых свечей и холодной озёрной воды.

— Вы сказали, что ждали меня, — я заставила себя успокоить дыхание. Жилка на виске перестала биться так часто. — Зачем? Кому я нужна?

— Люди серьёзные, делом государственным занятые, — старец подошёл к окну, за которым вился туман. — Времена сейчас смутные, Полина. Зло не только в помыслах людских гнездится, но и в щели между мирами просачивается. Те, кто ушёл, не всегда уходят до конца. Ненавидят, оставляют следы, что жгут живых. Паразиты, пиявки и сущности. А ты их слышишь. Ты — ловец. Я почувствовала, как снова закружилась голова от его слов. Ловец? Я? Которая всю сознательную жизнь проработала в тишине архивов, подальше от людей и всякого там паранормального?

— Подождите. Мне нужно... во что-то одеться, — я постаралась сменить тему. У меня оставалась слабая надежда, что я просто куда-то не туда забрела. К староверам, например. — Если я действительно... здесь. Не могу же я ходить голая.

Отец Сергей кивнул и указал на сундук в углу.

Глава 5

— Одевайся, — произнёс мужчина, отвернувшись.

— Там что, одежда? Чья она? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал слишком сильно.

— Для тебя приготовлена знахаркой Авдотьей, провидицей, — отозвался он, оборачиваясь. — Это её жилище. Она и предрекла, что придёт девка вместо мужчины. Так и сказала: Аполлинария идёт. Я-то тебя здесь и поджидал, да всё срок выходил, а ты не являлась. Старица тебя по запаху нашла на древних плитах, тех, что рисунками испещрены. Там ты и лежала в беспамятстве, нагая как истина.

Я невольно принялась к своему плечу. Кожа пахла чем-то нейтральным, свежим, как бывает после долгого сна на свежем воздухе. Никаких посторонних ароматов я не уловила.

Дед, заметив моё движение, коротко усмехнулся в бороду:

— Подселенец в тебе, раба Божия Полина. Он и смердит на всю округу. Авдотья их за версту чувствует, да и я тоже. Ишь, затаился, негодник... Но меня-то не проведёшь, я его насквозь вижу.

Я снова повела носом. Какой ещё «подселенец»? Вот же чокнутый дед. В голове зашумело от обилия странных слов: послушники, Авдотья, монастырь, 1883 год... «Спокойно.», — скомандовала я себе. — «Он явно не в себе, не надо его злить. Буду со всем соглашаться, делать, что говорит. Но при первой возможности найду выход из этого исторического косяка».

А старик, будто не замечая моего внутреннего протеста, продолжал:

— Нашли мы тебя с братьями и принесли сюда.

Перед глазами моментально возникла картина: группа бородатых мужчин волочит меня, совершенно обнажённую, по лесу, разглядывая все мои «прелести». Щёки обожгло стыдом. Но Сергей, словно прочитав мои мысли, добавил:

— Авдотья тебя укрыла сразу, полотнище подоткнула и ушла враз, чтобы лишнего из тебя ненароком не вытянуть. Это я уж сам сделаю, как в монастырь придём. С ней ты сегодня ещё свидишься. Не тушуйся, несли тебя укрытую, дабы не смущать послушников. Они-то шли встречать парня-воина, а тут – девка с косой. Сами растерялись. Так что одевайся, девонька, и пойдём, пока дождя нет.

Отец Сергей снова отвернулся к окну и пробормотал себе под нос:

— Однако быть дождю... Колени так и выворачивает. Ох, грехи наши тяжкие.

Я подошла к сундуку. Крышка была тяжёлой и пахла старым деревом. Внутри лежали какие-то свёрнутые полотна, расшитые рушники, а сверху – аккуратная стопка: белая простая рубаха, тёмная юбка и платок. Нательного белья, разумеется, не оказалось, но я была рада и этому – лишь бы срам прикрыть.

Одежда была грубой, но чистой. Я быстро натянула рубаху, юбку. Расчесала пальцами спутанные волосы и заплела их в тугую косу. Поверх повязала платок, закрепив узлом на затылке. Опустив глаза, я устояла на свои босые ноги. Они уже порядком замёрзли, и мысль о том, чтобы ступать голыми пятками по сырой земле, вводила меня в ступор. Я привыкла к комфорту, мягким тапочкам и чистому паркету...

Рядом с сундуком стояли лапти. Настоящие, из лыка. На них лежали белые полоски ткани – кажется, их называют онучами. Я закатила глаза. Ну нет... это выше моих сил. Я даже не знала, с какой стороны к ним подойти.

— Извините, — произнесла я с просящими нотами в голосе, стараясь, чтобы голос звучал вежливо, — я не знаю, как надеть эту... чудесную обувь. А нет ли у вас чего-то более простого? Ну, балеток каких-нибудь или кроксов... тапочек на выброс?

Мужчина тяжело вздохнул.

— Чудно ты изъясняешься, девица, будто птичка заморская чирикаешь.

Вынужденный учитель велел мне взять лапти в руки и кивнул на лавку, где я только что лежала. Присев рядом, он начал обстоятельно объяснять, как правильно наматывать онучи и закреплять всю эту сложную конструкцию из лыка и веревок. Когда дело было сделано, монах встал, размашисто перекрестился на угол и вышел, не проронив больше ни слова. Дверь за ним глухо закрылась.

Я посидела немного, привыкая к новым ощущениям. Избушка Авдотьи была крошечной, но удивительно уютной в своей суровой простоте: низкий потолок с потемневшими балками, пучки сухих трав, свисающие с потолка, и запах печного дыма.

Направившись к выходу, заметила на стене небольшое зеркало в потемневшей медной оправе. И снова поразилась: я видела каждый завиток на раме, каждую щербинку на стекле. Зрение было идеальным.

Я подошла ближе. Из зеркала на меня смотрела... я. Тот же чуть вздёрнутый нос, широкие брови и пухлые губы. Но что-то изменилось. Мои глаза, и без того синие, теперь горели невероятно ярким, почти сверхъестественным цветом. Кожа просто сияла здоровьем, без всяких кремов и хайлайтеров. Опустив взгляд на руки, вздрогнула... Глубокий порез на пальце исчез: ещё несколько дней назад, когда я резала хлеб, нож сорвался, и кровь заливала всё вокруг, пока я не перетянула рану бинтом. Но главное – лоб. Я лихорадочно коснулась кожи у самой кромки волос. Небольшой белый шрамик – память о падении с качелей в раннем детстве, тоже пропал. Бесследно. Именно после того несчастного случая, моё зрение начало стремительно ухудшаться.

«Неужели это всё правда?» — пульсировало в висках. Каким-то немислимым образом я оказалась в прошлом, и это место решило меня «починить», убрав все изъяны, заработанные за двадцать девять лет жизни. Капец. Просто полный капец.

Пока я переваривала эти мысли, дверь снова с натужным скрипом отворилась, и в проёме показался этот странный дедок. Отец – как его там? – Сергей хмурил брови. Его тяжёлый, пронзительный взгляд прошёлся по мне, словно ощупывая.

— Негоже девке быть строптивой, — произнёс он, и в мягком басы слышались стальные нотки. — Что стоишь, как застывшая? Идти надобно. Или мне послушников позвать, чтобы тебя опять на руках несли?

Я испуганно дёрнулась и отрицательно помотала головой. Мысль, что сейчас сюда могут войти ещё несколько мужиков, судя по всему, таких же «неадекватных» с точки зрения современного человека, пугала неимоверно. В этом лесу и в этой странной избушке я была абсолютно беззащитна. Единственный шанс – двигаться вперёд. Возможно, там, в монастыре, а я всё-таки надеялась, что он существует на самом деле, есть более вменяемые люди, и мне удастся найти дорогу к цивилизации, к какой-нибудь станции, где есть транспорт... Хотя мозг услужливо напомнил: если я действительно нахожусь в прошлом, то до появления «Север-стали» ещё больше ста лет. Вся эта ситуация казалась мне сюжетом из фантастики.

— Не надо, — выдохнула я, стараясь придать голосу твёрдости. — Сама пойду.

Я шагнула через порог, и в лицо ударил влажный густой запах хвойного леса. Воздух был таким плотным, что его хотелось пить. Мы пошли по узкой тропинке, петляющей между исполинскими елями.

«Просто иди, — твердила я себе, глядя на широкую спину в черной рясе. — Иди и смотри по сторонам.»

Каждый шаг давался с трудом. Ноги в лаптях казались чужими, тяжёлыми, а подошва чувствовала каждый корень и острый камешек на тропинке. В голове пульсировала одна-единственная мысль, за которую я цеплялась, как утопающий за соломинку: «Это шоу. Просто очень дорогое, невероятно масштабное шоу.»

В памяти всплыл сюжет фильма «Холоп». Ну конечно! Зажравшегося мажора отправляют в «прошлое», чтобы выбить из него дурь. Но я-то не мажорка! Я – обычный архивист. Зачем кому-то тратить миллионы на такую реконструкцию? Может, Валентина решила таким экстравагантным способом «полечить» меня после всех моих потерь? Это было бы невероятно жестоко с её стороны. К тому же, у неё не было таких денег. Хотя... Она ведь любит смотреть в интернете всякие психологические проекты и могла обратиться к организаторам, чтобы помочь мне выбраться из затяжной депрессии.

Я крутила головой по сторонам, пытаюсь под вековыми соснами разглядеть объективы камер. Где-то там, в густой зелени, должен сидеть оператор. Вон тот мох на камне, он слишком настоящий. А небо? Такого пронзительно синего глубокого неба без единого следа от самолёта я не видела никогда. В моём мире оно всегда «расчерчено» белыми полосами, даже над самой глухой тайгой.

— Где камеры? — буркнула я себе под нос, надеясь, что мой голос услышит скрытый микрофон. — Слышите? Шутка затянулась! Выходите уже! Я оценила масштаб декораций!

Отец Сергей даже не обернулся. Его статная фигура мерно покачивалась впереди.

— Опять бесовщина из тебя лезет, — спокойно отозвался он, не замедляя шага. — «Камеры», «шутки»... Ты, Полина, язык-то попридержи. Тут места такие: эхо далеко разносится. А если не тех кликнешь?

— Да ладно вам, — я прибавила шагу, едва не растянувшись на скользком корне. — Признавайтесь, вы актёр? Малый театр? Или из местных? У вас потрясающий грим, честное слово. И борода, как настоящая. В каком кино вы снимались? Сколько вам заплатили за роль этого «отца Сергея»? Эй, мужчина, я с вами говорю...

Старец остановился так внезапно, что я едва не врезалась в него. Он медленно повернулся. В его глазах не было ни капли наигранности или того лукавства, которое обычно проскальзывает у актёров, довольных своей игрой. Там была бездонная, пугающая серьёзность и... жалость?

— Актёр... — повторил он, как будто пробовал незнакомое слово на вкус. — Не знаю, о чём ты глаголишь, девка. Но вижу, что разум твой затуманен сильно. Это подселенец в тебе мечется, правду принять не даёт. Он тебе в уши шепчет, что мир сей – морок. А ты на руки свои посмотри. На глаза. Разве в твоём «кино» слепым зрение возвращают? Разве шрамы старые бесследно тают по воле лицедеев?

Я замерла, невольно коснувшись лица. Это был главный аргумент, который разбивал теорию о «Холопе» вдребезги. Никакие спецэффекты не могли заставить мои глаза видеть так остро, а тело – чувствовать себя таким невероятно здоровым и сильным. Двадцать девять лет жизни с всеми её болезнями, усталостью и травмами просто испарились.

— Это... это гипноз? — мой голос сорвался на шёпот. — Вы вкололи мне что-то? Галлюциногены?

— Господь с тобой, — он размашисто перекрестился. — Идём. Авдотья ждёт. Учить тебя всему будет. Да и голову быстро на место поставит, если сама не сдюжишь. Ишь, «камеры»...

Он снова пошёл вперёд, а я осталась стоять на тропе. Лес вокруг дышал. Я слышала, как за сотни метров дятел долбит кору и шуршит в траве полёвка. Как стонут старые сосны под порывами ветра. Это было слишком реально. В фильмах не бывает такого запаха. Густого, настоявшегося на хвое, смоле и влажной земле, без малейшей примеси бензина или городского смога.

Я посмотрела на свои лапти. Если это не кино, то я застряла в 1883 году. Без денег, документов, голая (не считая этой одежды) и с каким-то «подселенцем» внутри, который, по словам этого безумного монаха, «смердит на всю округу».

«Успокойся, Полина, — приказала я себе. — Ты архивист. Твоя работа – отличать подделку. Пока что всё, что ты видишь – абсолютный оригинал. Значит, действуем по обстоятельствам. Изучаем среду, не вступаем в конфликты с «аборигенами» и ищем выход.».

— Подождите! — крикнула я в спину удаляющемуся Сергию. — Я иду! Только... расскажите подробнее про эту Авдотью. Она что, правда видит людей насквозь?

Я догнала его, стараясь не думать о том, что мои кроссовки остались где-то в другом измерении, а вместо них теперь – лыко и онучи.

— Видит, — коротко бросил старец. — И видит, и слышит то, что другим не дано. Она тебя, Полина, из такого омута вытянула, что и помыслить страшно. Ты ведь, когда на плитах лежала, уже не дышала почти. Дух твой застрял между мирами, как муха в паутине. Авдотья его обратно заманила.

Меня передёрнуло. Все эти разговоры о духах и подселенцах казались бредом. Но в этом лесу, где тени ложились на землю странными узорами, а воздух казался вязким, как кисель, верить в рациональное становилось всё труднее.

Глава 6

И тут меня снова озарило.

«Откуда он мог знать, что ко мне вернулось зрение? Ведь я ничего об этом не говорила?»

Ага... Вот я тебя и поймала, отец Сергей! Что там у тебя написано в методичке и описании главной героини? «Плохо видит»? Сейчас я выведу этого актёришку на чистую воду. Он шёл размашистым шагом, и я едва поспевала за ним. Собравшись с духом, я решительно сократила дистанцию, постаравшись попасть с ним в один шаг.

— Слушайте, что-то у нас не сходится, — начала я, стараясь придать голосу уверенности. — Я же не говорила, что плохо вижу. Откуда вы узнали про мои глаза?

Отец Сергей снова посмотрел на меня внимательно, и его взгляд был такой пристальный, что чувствовалось, будто он не просто смотрит, а проникает внутрь.

— Ты, когда пришла в себя, всё по лавке руками шарила, потом по лицу водила. И всё твердила: «Очи, очи...». Да ещё какой-то «тюльфон» искала. Что это – невесть что! Я и подумал сперва, что слепая к нам пришла. Даже чуток возрадовался, грешным делом. Думал, значит, точно есть в тебе дар. Испокон веков слепцы дары имели особые. Да потом почуял нечистого. Тут всё и встало на свои места. Дар есть, им ты его и сдерживаешь. Вытащить надобно пиявку.

Я задумалась. Мне казалось, что все мысли я держала при себе, когда очнулась. А оно, выходит, вслух говорила. Про очки... И туроператора, наверное. Это было уже не похоже на реалисти-шоу. Слишком много деталей.

Мы шли по узкой тропинке, которая вилась меж могучих сосен. Вековые стволы, покрытые лишайником, тянулись к пасмурному небу. В воздухе стоял терпкий аромат хвои. Впереди, сквозь густые заросли, проступили очертания высоких стен из тёсаного камня. Они были мощными, основательными, сложенными, казалось, на века. Над стенами виднелись купола церквей. Не золотые и сверкающие, а скромные, деревянные, покрытые гонтом, потемневшим от времени. Кресты на них были выкованы из простого железа, без изысков. Но каждая линия излучала торжественность. Это был монастырь. Не тот, что я представляла себе по книгам – с резными наличниками и яркими фресками, а скорее суровое, замкнутое в себе убежище от мирской суеты.

Отец Сергей кивнул на неприметную калитку в кустах, увитую диким хмелем.

— Иди туда, милая, — его голос снова стал мягким. — Там Авдотья ждет. Я приду вскорости.

И тут послышались приближающиеся шаги. Нет, я и раньше различала этот звук, отдалённый топот, но не придавала ему значения, принимая за шум леса или своё разыгравшееся воображение. Теперь же шаги были отчётливы, гулки и приближались очень быстро. На поляну, словно из ниоткуда, вышли четверо мужчин. Моё сердце замерло. Мать Божья, они были как на подбор! Огромные, широкоплечие, с русыми бородами и спокойными, уверенными взглядами. Точно сошли с картин Васнецова – Ильи Муромцы, Добрыни Никитичи, ну или на худой конец, Поповичи. Мешковатые, но добротные рубахи, подпоясанные широкими кушаками, обрисовывали мощные фигуры. Каждое их движение было наполнено внутренней силой и достоинством.

«Я что, попала в шоу «А ну-ка, богатыри»?» — пронеслось в голове. — «Или «Сведи с ума простушку»?

Я машинально попятилась, не отрывая взгляда от приближающихся исполинов. За спиной оказалась та самая неприметная калитка. Упёрлась в неё задом, пытаюсь отодвинуть это незаметное препятствие, чтобы не оказаться между надвигающимся грозным мужским воинством и отцом Сергием. Дверка поддалась с тихим скрипом, и я буквально ввалилась во двор.

Передо мной, словно вышедшая из народной сказки, стояла маленькая сухонькая старушка в белом платочке. Её лицо было испещрено глубокими морщинами, но глаза... Глаза светились такой невероятной любовью и нежностью, что мне сразу захотелось прижаться к этому воплощению покоя и почувствовать, как старческая рука гладит меня по голове. А потом, возможно, бабушка позовёт меня в дом, и там будут блины с малиной. Или пироги с капустой. На этих мыслях у меня предательски забурчал живот. Есть хотелось невероятно.

— Пришла своими ногами, значит, лучше тебе уже, — негромко проговорила Авдотья, и её голос был похож на шелест сухой травы на ветру. — Пойдём, милая, со мной. Разговор у нас с тобой будет долгий.

Она подошла ближе, и я невольно вздрогнула, ожидая подвоха. Но женщина лишь мягко приобняла меня за плечи и повела к небольшому домику, притаившемуся в глубине двора. От неё пахло дымком, сушёными травами и чем-то неуловимо родным из глубокого детства.

— Чего дрожишь вся? Чай, испугал тебя, отец Сергей? — Авдотья по-доброму усмехнулась. — Да ты не бойся, настоящий наш хоть и строг, да справедлив. Не обижает он никого, кто за помощью явится. А я вот помогаю ему, как могу. Убираю из людей то, что другие не видят, отчего жизнь их вытекает по капле. И тебе поможем.

Внутри домик почти не отличался от той избушки, где я очнулась. Тот же полумрак, тот же дух старины, низкие потолки и тяжёлые лавки. Авдотья усадила меня за стол, а сама проворно подошла к печи. Гроыхнул ухват, и по комнате мгновенно разнёсся такой густой запах наваристых щей, что у меня потемнело в глазах. Рот мгновенно наполнился слюной, а желудок выдал предательскую руладу.

Хозяйка поставила предо мной миску, в центр которой с тихим шлепком уронила ложку густой желтоватой сметаны и пододвинула блюдо, полное ржанных калиток с картошкой и рыбой.

— Ешь, девка. Силы тебе понадобятся, — скомандовала она.

Я пробормотала слова благодарности и вцепилась в деревянную ложку, из последних сил заставляя себя не хлебать через край. Щи обжигали, возвращая чувство реальности. Каждая калитка казалась вкуснее самого изысканного деликатеса.

Авдотья сидела напротив, подперев щеку рукой, и молча смотрела, как я справляюсь с едой. А потом она протянула руку и медленно, нежно погладила меня по голове. Это простое, почти забытое движение пробило мою плотину. Я замерла, низко наклонив голову над миской. Как давно ко мне никто не прикасался вот так — просто потому, что мне больно, а не потому, что от меня что-то нужно. Горячие, солёные слёзы начали капать прямо в щи.

— Поплачь, поплачь, девонька, — тихо сказала Авдотья, но тут же добавила строже: — Да особо не старайся. Сущность, что в тебе сидит, слёзы твои любит, это для неё лакомство сладкое. Ты лучше расскажи мне всё по порядку. Прямо с самого детства. Мне понять нужно, как оно в тебя просочилось. Вижу я, что сильная ты, раз до сих пор его сдерживаешь, иначе бы давно тебя не было. Страдания в себе глубоко держишь, одиночество любишь... Трудно тебе с людьми, лишь немногие рядом удержаться могут.

И меня прорвало. Информация лилась бурным, хаотичным потоком. Я рассказывала про счастливое детство, про маму, которую потеряла слишком рано, и про то, как была привязана к отцу. Вспомнила, как начала терять зрение. И как мучительно стеснялась этого в школе, прячась за стёклами очков в пластмассовой некрасивой оправе. Коротко бросила про учёбу в институте, про работу с пыльными документами и акустическими записями, которые понимали меня лучше, чем живые люди. С теплотой упомянула мачеху Валентину, которая стала мне опорой.

А когда дошла до Димы, голос сорвался. Я вывалила всю горечь несостоявшейся свадьбы, все те слова, что выжигали меня изнутри.

— Понимаете, он сказал, что это ошибка. Что я — ошибка. Сказал, что не любит...

Я всхлипывала, размазывая слёзы по лицу. А Авдотья лишь продолжала методично поглаживать мою руку, согревая её своим сухим теплом.

— Не печалься, милая. Не твоё то было, пустое. Забудь, — её голос баюкал, успокаивал. — Вижу я, что счастье твоё впереди, да не в той стороне, куда ты смотрела. Вот только расскажи мне теперь самое главное: как ты упала с тех качелек, после чего видеть стала плохо?

Я осеклась. Откуда она узнала про качели? В моём рассказе этого не было. Холодный ветерок коснулся затылка, и я посмотрела в её светлые, лучащиеся странным знанием глаза.

— Откуда... вы знаете про качели? — голос сорвался на шёпот. — Это что, всё правда? Я действительно в прошлом? И отец Сергей настоящий? И сейчас... — я сглотнула тяжёлый ком, — действительно восемьсот восемьдесят третий год?

Авдотья кивнула, и её платок чуть сполз на лоб.

— Всё так. Призвали вас из далёкого будущего ритуалом крепким, на древней силе замешанным. И всё для того, чтобы освободить мир от нечисти, которая распоясалась, почуяв слабинку. Скопилось её много в самой столице, душит она людей, а те и не видят, только сохнут да злобятся. Но про это тебе отец Сергей лучше поведает. Да гость тот, что сейчас едет сюда.

Я во все глаза смотрела на неё. Мозг лихорадочно цеплялся за одно-единственное слово.

— «Вас»? — переспросила я, подаваясь вперёд. — Значит, я не одна? Кто они и где?

— Пятеро, — спокойно ответила знахарка, поправляя миску на столе. — Пять душ, и у каждой дар свой имеется, под особые дела заточенный. Увидишь их потом. Раскидало вас по разным местам, как зёрна по полю. Да только скоро в одном месте будете, как науку познаете да силу свою принимать станете. А сейчас, девонька, давай дальше: про качельки рассказывай. Я закрыла глаза, и перед внутренним взором, вопреки идеальному зрению, которое подарил мне этот переход, всплыла та старая, размытая картинка из детства. Скрип. Запах железа, и то томительное чувство полёта, которое внезапно оборвалось ударом о землю.

Глава 7

Я оставила пустую миску. Тепло от горячих щей и калиток наконец-то добралось до кончиков пальцев, согревая руки. И вместе с ним, пришло какое-то странное спокойствие. Авдотья сидела рядом. Она слегка прищурилась, приготовившись слушать дальше.

— Мне было девять, — начала я. Мой голос звучал ровно и доверительно, словно я зачитывала протокол из старого дела в архиве, но внутри всё равно всё сжималось. — Лето в Москве тогда было душным. Друзья разъехались. Я томилась от одиночества, целыми днями читала или рисовала. И тут пришёл Костик. Он был из Санкт-Петербурга, к бабушке на каникулы приехал. Она в соседнем дворе жила.

Посмотрев на свои чистые, лишённые шрама и маникюра пальцы, продолжила:

— Он позвал на новую площадку. Меня туда одну не пускали – далеко, только со взрослыми. Мне ужасно хотелось посмотреть на неё, я ведь только из окна видела эти яркие конструкции. Крикнула маме, что посижу во дворе, и, хлопнув дверью, побежала за приятелем. Совесть немного царапала: знала, что нарушаю запрет. Но Костик умел убеждать. Обещал, что только разок качнёмся и сразу назад — никто и не заметит.

Авдотья слушала, чуть прикрыв глаза, словно видела ту московскую площадку моими глазами.

— Мы прибежали туда. Там было полно детей, шум, крики. Но одни качели стояли свободными. Они были тяжёлые, сделанные «стульчиком» с высокой спинкой и приступкой внизу для ног. Я села, а Костик встал на эту приступку, лицом ко мне. Мы начали раскачиваться. Вы знаете, это ощущение, когда взлетаешь и внутри всё замирает от восторга? Нет, наверное. Откуда? Мы хохотали, подлетая всё выше, мир вокруг мелькал. А потом он крикнул, что теперь моя очередь качать. Мы решили поменяться местами прямо на ходу, не останавливаясь. Всё шло хорошо, я уже почти перехватила поручни, но вдруг в голове что-то щёлкнуло, закружилось... и я полетела вниз.

Я замолчала на мгновение, чувствуя, как во рту пересохло.

— Помню, как все вокруг ахнули. Чей-то возглас. Я лежала на земле, пытаюсь втолкнуть в себя глоток воздуха, но у меня так и не получалось. Небо вертелось перед глазами, как калейдоскоп. Кто-то крикнул: «Не поднимай голову!». Конечно, я её подняла. И в этот момент качели, возвращаясь по инерции, ударили меня в лоб. Темнота наступила мгновенно.

Пришла я в себя уже при врачах скорой. Костик, бледный как полотно, убежал за моими родителями. Мама примчалась первой. Она ругалась, кричала от страха и злости. А я просто молчала, не понимая, где я и кто. А потом появился папа. Выбежал из дома в одной тапке, так торопился... Он просто обнял меня и начал успокаивать. И вот тогда я разрыдалась, прижимаясь к нему. Горько, навзрыд. Мне было бесконечно жалко себя и страшно, что мир вокруг стал каким-то не таким.

Потом был двадцать один день в больнице. Врачи удивлялись – череп остался цел, хотя болт на приступке был огромный, он должен был меня просто убить. Сказали – «сотрясение мозга». Но именно после этого зрение начало стремительно падать. В школу я вернулась в очках. С каждым годом всё хуже и хуже. Иногда оно пропадало полностью, и перед глазами плыли только круги и тени. Зато слышать я стала намного острее. Говорят же, когда одно чувство отнимается, другое обостряется.

Я слабо улыбнулась Авдотье, ожидая какой-то оценки. Но она лишь задумчиво жевала губы.

— Пятна, говоришь... круги... — произнесла она, глядя куда-то сквозь меня. — Ты в щель между мирами заглянула, девонька, пока душа твоя на миг из тела выскочила от удара-то. В ту самую секунду он к тебе и прицепился. Тот, кто свет твой жрать начал. Твоими глазами

он на мир смотрел, да силу твоюпил. А ежели плакать начинаешь, так из тебя «вкусная вода» льётся. Для него это – самое то.

Я замерла. Здравая логика пыталась сопротивляться, но память услужливо подсовывала факты.

— А ведь знаете, бабушка... — прошептала я. — После того падения я заметила: как только поплачу, мне становится физически плохо. Будто сознание сейчас потеряю, ноги ватные становятся. Я ведь так и научилась давить в себе слёзы. Как только чувствую, что подступают, начинаю дышать часто-часто и считать до десяти. Старалась не ругаться ни с кем, учиться идеально, лишь бы учителя не кричали. И с парнями не связывалась – от них одни неприятности. Только вот Дима был... спокойный. Никогда голоса не повышал. Да и вообще он ко мне относился как к старому табурету. Вроде бы выбросить надо, но вдруг пригодится...

Я посмотрела на Авдотью, и в моей голове, наконец, сложился пазл. Вся моя «правильная» и серая жизнь была не моим выбором. Это была диета для существа, которое сидело внутри.

— Значит, — я с трудом сглотнула, — всё это время я просто была... кормушкой? И вы хотите его достать?

— Да, достать нужно, — Авдотья вздохнула, потирая натруженные суставы. — Ох, как он сопротивлялся, когда тебя сюда призывали, чуть не сгубил. Цеплялся изо всех сил за старое твоё естество. Ты ведь сюда полностью обновлённая явилась, словно родилась заново, чистая, как лист бумаги. Но он, подселенец этот, слишком долго в тебе жил, сроднился практически с каждой жилкой. А как уничтожим, так ты таких, как он, сразу сама чувствовать начнёшь. И убирать научишься. За тем тебя сюда и направили. К отцу Сергию со всей земли едут, чтобы от такой напасти избавиться. Я так-то тоже могу, но он посильнее будет, дух у него крепок. Когда нашла я тебя, так и зачесались рученьки его вытащить. Да слаба ты была сильно, между мирами повисла. Не справилась бы я тогда, утянул бы он тебя за собой в темноту.

Я слушала её, и в голове не укладывалось: моё зрение и вечные страхи – всё это было лишь «кормом» для кого-то другого? От этой мысли затошнило, но Авдотья уже поднималась со скамьи, маня за собой.

— А теперь пойдём, отведу тебя в келью. Там и одежда приготовлена другая. Отдохнёшь, а вечером уже и займёмся делом.

Мы вышли из домика и пересекли небольшой внутренний двор, огороженный крепким частоколом. Келья оказалась крошечной, но удивительно светлой комнатой в каменном корпусе. Узкое окно-бойница пропускало луч солнца, в котором плясали пылинки. У стены стояла простая кровать, накрытая грубым шерстяным одеялом, а на небольшом дубовом столе лежал увесистый томик в кожаном переплёте – молитвенник.

— Вот здесь твоё место пока, — Авдотья указала на стопку вещей, аккуратно сложенных на лавке. — Сбрось эти лохмотья, в другое облачайся.

Я с облегчением быстро переоделась, вдруг осознав, что существенно замёрзла. В каменном помещении было холоднее, чем на улице. Вместо старых тряпок мне приготовили добротную одежду, какую носили в этих краях в конце девятнадцатого века. Сначала штанишки до колена – аналог современных трусиков, затем длинная нательная рубаша из тонкого, выбеленного льна, мягко облегающая тело. Поверх неё – тяжёлый, тёмно-синий сарафан из плотной шерсти, украшенный по подолу скромной вышивкой. Несколько платков на выбор, фартук. Но самым большим счастьем оказалась обувь. Никаких лаптей и обмоток! На полу стояли «коты» – традиционные карельские туфли из мягкой кожи с немного загнутыми вверх носами. Когда я надела их на шерстяной носок, ногам стало так уютно и тепло, что я едва не расплакалась снова, но теперь от радости.

Авдотья подошла к столу и открыла молитвенник на середине. Её палец указал на строки, выведенные церковнославянской вязью.

— Читай вот эту, — строго сказала она. — «Молитву от чародейства и козней дьявольских». Читай вдумчиво, сердцем каждое слово пробуй. Она как щит тебе будет, пока мы готовимся.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, огради мя Святыми Твоими Ангелы и молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и всех святых Твоих от всякого зла, колдовства, волшебства, чародейства и от лукавых человек, да не возмогут они причинить ми никоего зла...»

Слова казались тяжёлыми, как камни, но когда я начала шептать их про себя, внутри, где-то за солнечным сплетением, началось странное шевеление. Словно что-то холодное и острое недовольно ворочалось в тепле моего нового тела.

— Отдыхай, Полина. А получится, поспи, — Авдотья тихо прикрыла дверь, оставив меня одну в тишине, нарушаемой только далёким звоном монастырского колокола.

Глава 8

Я прилегла на кровать и сразу провалилась в вязкий сон, несмотря на тревогу, которая ещё час назад грызла меня изнутри. Мне снились расплывчатые образы – мелькающие лица, звуки, похожие на шёпот или скрип. Я чувствовала себя пойманной в паутину, из которой не было выхода. Сквозь эту пелену пробился низкий, глухой голос. Он повторял моё имя, призывая вернуться в реальность.

— Полина... Полюшка, просыпайся, деточка. Время пришло.

Я открыла глаза. Надо мной склонилась Авдотья. Её лицо было серьёзным, в глазах светилась решимость. В полутёмной келье горела лишь одна крошечная лампадка, отбрасывая причудливые тени на стены.

— Пойдём. Отец Сергей уже ждёт, — сказала она, помогая мне подняться.

Ноги были ватными, но я знала, что надо идти. Назад пути нет. Наконец-то эта попытка закончится, и я перестану быть «кормушкой». Пока мы шли по тихим коридорам монастыря, я чувствовала, как внутри меня начинает нарастать напряжение. Нечто дремавшее до этого, пробуждалось, словно почувствовав угрозу. Это было неприятное, колющее ощущение, будто сотни мелких иголок впились в нервные окончания.

Мы вошли в небольшую часовню, скрытую от посторонних глаз и звуков. Здесь царила особая, почти первозданная тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием свечей. Воздух был плотным, насыщенным запахами воска, каких-то горьких, едких трав, которые Авдотья жгла в глиняной плошке, стоявшей на невысоком столике.

Отец Сергей уже был там. Он стоял посреди соляного круга, который Авдотья сразу тщательно рассыпала на полу, ограждая нас от всего внешнего мира.

Высокая, жилистая фигура, казалась вырезанной из дерева. Глаза смотрели пристально. И сейчас разглядывая его в тусклом свете, я поразились той мощи, что исходила от него. Это был не благообразный старец, которого можно было увидеть на картинах, а человек суровой чеканки, привыкший к битвам – не только физическим. Он был воплощением силы и веры.

— Садись, Полина, — его почему-то вдруг охрипший голос пророкотал под сводами часовни. Он указал на простую, отполированную временем деревянную табуретку в центре этого защитного круга. — Сейчас он почует неладное. Начнёт метаться, сопротивляться. Ты не пугайся. Много увидишь и услышишь... Будет говорить твоим голосом, обещать золотые горы и грозить страшными муками. Не слушай. У него одно желание – загнать тебя в отчаяние, помешать обряду, остаться...

Я села, и, едва коснувшись шершавой поверхности табуретки, ощутила, как по телу прошла сильная дрожь. Словно вся кровеносная система взбунтовалась. Спину свело судорогой, и я почувствовала, как под кожей, где-то между лопатками, что-то начало извиваться. Холодное, склизкое, оно пульсировало, пытаясь забиться глубже в позвоночник, спрятаться. Это был отвратительный, навязчивый холод.

Авдотья встала прямо за моей спиной, положив мне на плечи ладони. От них пахло пылью и дымом.

— Главное, дочка, когда он начнёт выходить, не жалей его, — прошептала она мне в самое ухо. — Он ведь в тебе долго жил. Ты к нему, как к части самой себя привыкла. Можешь подумать, что тебя отрывают от чего-то родного. Но это не ты. Это ржавчина на твоей душе, грязь, прилипшая к духу.

Настоятель начал читать. Его слова не походили на привычные молитвы или церковные песнопения. Это был древний, сильный наговор, произносимый на неизвестном мне языке, который звенел каждой буквой. Слова были резкими, как удары хлыста. Они словно ввинчивались в пространство, разрывая пелену, которая до этого момента казалась невидимой. В какой-

то момент воздух в часовне стал густым и липким, тяжёлым до невозможности. Мне стало трудно дышать, лёгкие сжимались, словно их сдавливала невидимая сила.

Внутри меня началась настоящая борьба. Отвратительная сущность, которая только что вяло сопротивлялась, теперь билась в панике. Я чувствовала, как она металась, пытаясь найти лазейку, чтобы ускользнуть от заклинания. Её присутствие проявлялось усилением моих страхов, которые я так старательно подавляла. В голове зазвучали голоса: «Ты слабая... ты ничего не сможешь... ты погибнешь здесь, одна...»

— Выходит, — прошептала Авдотья, её голос звучал напряжённо. — Ох, жирный какой, отожрался на твоих слезах и страхах, Полина.

Меня затрясло крупной дрожью, я чувствовала, как по телу струится холодный пот. Перед глазами поплыли тёмные пятна, а зрение внезапно обострилось до предела, словно мир раскололся на множество слоёв. Я увидела, как от моей собственной тени, лежащей на полу, начинает отделяться нечто бесформенное. Это было похоже на сгусток чёрного, вязкого дёгтя, живого и пульсирующего. Оно тянулось ко мне тонкими, почти невидимыми нитями-присосками, не желая отпускать свою «еду». Каждая такая нить была привязана к какому-то моему страху, обиде, или чувству вины.

Отец Сергей, не прерывая чтения, достал из широких складок своей рясы длинную тонкую иглу. Она выглядела необычно: матовая, без малейшего блеска, с едва заметными магическими насечками по всей длине. Было видно, что она не новая, а очень древняя.

— Гляди, Полина, внимательно гляди! — на этот раз его тон стал резким, почти криком. Он перекрыл внезапно поднявшийся в часовне гул, похожий на шепот тысяч голосов, сливающихся в единый стон. — Сущность всегда за корень держится. Найди его взглядом! Где он в тебя впился крепче всего?

Я заставила себя сосредоточиться, игнорируя тошноту и панику. Мой обострившийся «дар» работал на пределе, словно высвечивая самое тёмное и скрытое. И я увидела. В районе солнечного сплетения, там, где всегда рождалось моё беспричинное волнение, таился маленький, пульсирующий комочек. Это была самая крепкая из всех нитей, глубокий корень, из которого питалась эта гадость.

— Там! — вскрикнула я, поднимая руку и указывая на свою тень.

Сергей быстрым, точным движением, пронзил иглой этот чёрный узел. Раздался звук – нет, это был не звук, а скорее визг, который пронзил уши, и саму душу. На самом деле, в часовне стояла оглушительная тишина, но внутри меня этот визг раздавался так громко, что казалось, лопнут барабанные перепонки. Сущность завизжала, как раненое чудовище. Она начала судорожно наматываться на иглу, словно пряжа на веретено. Извиваясь пиявкой, принимала обличья близких людей из моего прошлого – отца, мамы, даже Димы. Шептала знакомыми голосами: «Без меня ты станешь никем... ты умрёшь в этом месте одна... тебя никто не полюбит... ты никогда не вернёшься домой...» Это были мои самые сокровенные страхи, облечённые в слова этой твари. Она показывала мне картины из моего прошлого, где я была маленькой, беззащитной девочкой. Пыталась убедить меня, что она моя единственная защита, что без неё я слаба и беспомощна...

— Лови! — скомандовала Авдотья, подталкивая меня. — Сама бери иглу!

Мои пальцы коснулись холодного металла. В ту же секунду я почувствовала обжигающую боль, переходящую в невероятную лёгкость. Я тянула иглу на себя, выматывая дрянь из своего тела. Это было похоже на то, как вытягивают занозу, которая гноилась годами.

Когда последний лоскут сорвался с тени и запутался на острие, Авдотья подставила небольшую шкатулку, обитую изнутри серебром.

— Запечатывай! — крикнул Сергей.

От этого крика я вздрогнула, вонзила иглу в подушечку внутри шкатулки, выдернула её и захлопнула крышку. Священник тут же капнул на стык воском и прижал свой перстень. Всё

это случилось в одну секунду, произвольно, как будто я знала, что дальше произойдёт и как нужно делать.

В часовне сразу стало тихо и невероятно светло, хотя свечи уже почти догорели. Я сидела, не в силах пошевелиться, и дышала так глубоко, как никогда в жизни. Грудь больше не сдавливалось.

— Теперь знаешь, как это делается, — отец Сергей вытер пот со лба. — Ты – Ловец, Полина. И теперь будешь не кормить их, а жать, как сорную траву.

— Ловец... — эхом повторила я, и это слово отозвалось во мне гулом колокола.

Попыталась подняться, но ноги ощущались чужими, будто я заново училась стоять. Мир вокруг качнулся. Стены часовни, лики святых на иконах, суровое лицо отца Сергия – всё вдруг подёрнулось золотистой дымкой, а потом резко поплыло в сторону.

Я услышала, как Авдотья вскрикнула и бросилась ко мне, но звуки её голоса долетали словно сквозь толщу воды. Воздуха вдруг стало очень много, он был чистым, даже слишком, для моих лёгких, привыкших к спёртому дыханию паразита.

— Чересчур быстро... силы ушли... — услышала я обрывок фразы отца Сергия.

Колени подогнулись сами собой. Я не чувствовала страха, только бесконечную усталость, которая навалилась на меня всей тяжестью. Тьма, пришедшая за мной, была мягкой, как бархат. Она сразу приняла меня в свои объятия, когда я, не успев даже выставить руки, рухнула на холодный пол часовни, окончательно теряя сознание.

Глава 9

Вязкая темнота небытия медленно отступала, сменяясь сумерками сознания. Очнулась внезапно, словно меня вытолкнуло на поверхность воды. Я лежала на узкой кровати в своей келье, и первое, что я ощутила – звенящую чистоту внутри. Должно быть, после того, как я рухнула в часовне, меня перенесли сюда. Сама я не помнила ни пути, ни того, как голова коснулась жёсткой подушки. В комнате было прохладно, пахло ладаном, а сквозь узкое окно сочился бледный свет угасающего дня.

За дверью разговаривали. Слов не разобрать, но я сосредоточилась, и звуки вдруг обрели чёткость. Голоса были приглушёнными, но для моего нового слуха они звучали так отчётливо, будто люди стояли у моего изголовья. Я слышала дыхание этих мужчин, и каждый скрип половиц.

— Вы точно уверены, отец Сергей? — голос был сухим, холодным, привыкшим отдавать приказы. — Уверены, что дар проявился в полной мере и скверна вырвана окончательно? Это действительно она?

— Ошибки в сём деле быть не может. Да, искали мы её долго, однако сомнение ныне неуместно, ваше превосходительство, — ответил наставник. В его интонациях слышалось скрытая тревога. — Сила в ней сейчас затаилась неимоверная. Я, признаться, в некотором замешательстве пребываю... Почувал я в девице этой дар, коего и у меня самого нет. Она — чистый сосуд, который наполнился древним светом.

Тут же раздался другой голос, моложе, хриплый, пропитанный нетерпением и какой-то мужской горячностью:

— Так отчего же она тогда постоянно чувств лишается, раз сильнее вас? — в голосе сквозило недовольство. — Вы и раньше нечисть из людей вынимали, батюшка. Помнится, унтер-офицер после вашего обряда через пять минут уже на ногах стоял и чарку просил. Да и другие тоже. Посидит человек пять минут, перекрестится – и пошёл. А эта барышня... пластом лежит который час. Если всё это не так и мы ошиблись, то времени на исправление нет. Мне уверенность нужна, а не гадания.

— Григорий, подожди, — прервал его первый, холодный голос. — Продолжайте, отец Сергей.

Я затаила дыхание.

— Непросто всё с нею вышло, — продолжал старец. — Я и не чаял, что сдюжим – оторопь взяла. Крепко в ней подселенец сидел, с корнями врос. Но... удивила. Полина сама завершила сей обряд. Когда силы мои на исходе были, она перехватила нить. Вонзила иглу, запечатала шкатулку... без моей указки, будто знала всегда, как должно быть. Не каждому такое дано, Константин Петрович. Сему надобно учиться долго: в затворах, годами молитвы и поста. А она — словно вспомнила то, что в крови записано. Видимо, у каждого свой путь и свои сроки.

— Сроки не ждут, — снова вклинился хриплый Григорий. — У нас есть полгода. К зиме она должна быть готова. Если она не встанет в строй...

— В ней я уверен! — в голосе отца Сергея прорезалась сталь. — Мощь в ней великая. Она этой силой, сама того не ведая, сдерживала в себе тварь там, в ином мире, откуда призвана была. С самого детства сдерживала! А теперь, когда оковы пали, сила начнёт прибавляться с каждым днём. Она изменится. Любому отпор даст – и твари, и человеку. Другая она теперь. За полгода я научу её многому. Всё передам.

За дверью воцарилась тишина. Я почти кожей чувствовала, как они переглядываются.

— Ну, если так, — буркнул Григорий, — то давайте посмотрим на неё. Я всё никак в толк не возьму: как вместо воинов, мы с барышнями будем реверансы разводить. Дело-то кровавое, не для корсетов.

— Нет, Гриша, — отрезал холодный голос. — Я сам с ней поговорю. Не стоит тебе пока ей на глаза показываться. Раздражён ты: боюсь, не выйдет у вас ладного разговора, ежели ты встревать начнёшь. Ступай к экипажам.

Послышались тяжёлые шаги. Григорий уходил, явно раздосадованный. Я поняла: сейчас войдут. Мгновенно зажмурившись, постаралась расслабить лицо и выровнять дыхание, имитируя глубокий сон.

Дверь приоткрылась с едва слышным скрипом. Мягкие, уверенные шаги. Человек вошёл, плотно прикрыв за собой створку. Стул, стоявший у окна, с тихим скрипом переместился на середину кельи. Незнакомец сел. Он молчал и просто ждал. Это молчание давило сильнее любых слов.

Прошло минуты две. Я поняла, что тянуть время бессмысленно – этот человек, кем бы он ни был, не из тех, кого можно обмануть простым притворством. Мой слух улавливал его ровное, почти безэмоциональное дыхание.

Я медленно, словно с трудом, приоткрыла глаза и повернула голову.

На стуле сидел мужчина в круглых очках. Его фигура казалась сухой и подтянутой, в строгом чёрном сюртуке. Я прищурилась, рассматривая его в свете лампадки. Внешность гостя была... никакой. Удивительно непримечательное лицо, из тех, что мгновенно стираются из памяти, стоит человеку выйти из комнаты. Никаких особых примет: средний рост, немолодой. Идеальное лицо для того, кто привык управлять из тени.

Однако одна деталь зацепила мой взгляд. Его уши. Чуть оттопыренные, они странно контрастировали с его сухим, аскетичным образом, словно ловили каждый шорох в этой комнате. Они отвлекали на себя всё внимание, мешая запомнить черты лица.

Мы молчали. Я смотрела на него исподлобья, стараясь не выдать внутренней дрожи, он же – прямо, не мигая. Его взгляд был совершенно лишён тепла; так смотрит либо опытный хирург перед разрезом, либо следователь. Мужчина чуть заметно покачал головой, и в уголках его тонких губ промелькнуло нечто, похожее на мимолётное удовлетворение.

— Здравствуйте, Полина. Как вас величать по батюшке?

— Полина Андреевна Кравец, — произнесла я, разжав пересохшие губы, и постаралась, чтобы голос звучал уверенно. — С кем имею честь говорить?

Мужчина едва заметно приподнял бровь, словно мой вопрос был некоторой дерзостью, но всё же произнёс:

— Однако... Ну что же. Разрешите представиться. Обер-прокурор Святейшего Синода и личный порученец Его Императорского Величества Александра Третьего. Действительный тайный советник Константин Петрович Победоносцев.

Сердце пропустило удар. Я медленно присела на край кровати, опустив ноги на холодный пол, и машинально одёрнула подол юбки, возвращая себе подобие приличия.

— Ну надо же... — вырвалось у меня, прежде чем я успела себя остановить. — И чем я могу служить? Раз сам обер-прокурор, о котором я не пропустила ни одной лекции в университете, почтил присутствием мою скромную персону в этом далёком монастыре... Здесь, в карельских лесах, в 1883 году. Я ведь ничего не путаю? Судя по тому, что со мной произошло за этот день, это действительно правда.

Победоносцев посмотрел на меня с нескрываемым интересом, его глаза за стёклами очков сузились.

— Признаться, я удивлён, — проговорил он медленно. — Вы изъясняетесь на редкость своеобразно для девушки из «будущего», как вы это называете. Судя по моему общению с вашими современницами, вы – исключение, которое ставит меня в тупик. Речь почти не отличается от принятой в этом времени. Вы пытаетесь меня запутать? В чём здесь подвох, Полина Андреевна?

Я посмотрела на него устало, почти сочувственно.

— Помилуйте. Какой подвох, Константин Петрович? В своём времени я получила достойное историческое образование. Работа обязывала меня досконально изучать темы и факты прошлого. К тому же жизнь моя была довольно скучна и однообразна, я много читала. Пока мои сверстницы бегали по дискотекам и барам, я зубрила полный цикл по истории Российской империи. И изучала, как отдельные личности – вроде вас, влияли на ход политических, социальных и культурных процессов в стране.

На этом моменте Победоносцев часто захлопал глазами. А затем тряхнул головой, будто сбрасывая наваждение. Кажется, своим монологом я действительно ввела его в ступор.

— На диско... что? Каких процессов? — переспросил он, запинаясь на незнакомом слове.

Тут я поняла, что меня понесло. Я играла с огнём, жонглируя понятиями, которых ещё не существовало в его лексиконе. Но вместе с тем я отчётливо осознала: моя прежняя застенчивость и зажатость испарились без следа. Раньше я бы мямлила, соглашалась на всё, лишь бы не сердить оппонента, и не расплакаться от давления. А сейчас я была спокойна, сдержанна и, пожалуй, даже капельку надменна.

Надо было срочно исправлять ситуацию. Во рту пересохло так, что язык прилипал к нёбу. Заметив на столике рядом с ним пузатый глиняный кувшин, я поднялась. Босые ноги бесшумно коснулись пола. Я сделала несколько шагов в его сторону, пробормотав:

— Пить хочу, сушняк замучил...

Глава 10

Схватив кувшин, припала прямо к горлышку. Пила долго, жадно, громко сглатывая холодную воду. Тайный советник не сводил с меня глаз, в которых застыло то ли изумление, то ли любопытство. Когда я, наконец, оторвалась от сосуда и вытерла рот тыльной стороной ладони, он уже успел взять себя в руки. Но подозрение из его взгляда никуда не делось. Он медленно достал из кармана сюртука небольшой блокнот и карандаш.

— Полина Андреевна, — официально начал он, — расскажите подробно, как именно вы здесь появились. Всё, что помните.

Я вздохнула. На мгновение мне показалось, что мы поменялись ролями: теперь он сомневался, что я из будущего, а я чувствовала себя экзаменатором. От этой мысли стало даже смешно – похоже, доказывать свою вменяемость и «неместное» происхождение теперь придётся именно мне. Немного поразмыслив, я решила отключить «воспитанную барышню» и перешла на привычный сленг, которым обычно общалась с подругами и ровесниками.

— Как появилась? По путёвке, — ответила я, возвращаясь на кровать. — Села в Москве на самолёт авиалинии «Северсталь», приземлилась в Петрозаводске и поехала на экскурсию. Потом туман, голоса и снова туман.

Победоносцев сосредоточенно кивнул и быстро что-то заскрипел карандашом в блокноте.

— Очнулась в избушке, в чём мать родила. И, что самое удивительное, с идеальным зрением, хотя до этого была слепа как крот, без очков и в полуметре ничего не видела. Вы, я вижу, тоже страдаете. Что я вам объясняю? — кивнула я, указывая на его очки, и продолжила. — А к этому всему бонусом – отменный слух. Хотя я и раньше на него не жаловалась, а теперь он просто... сверхъестественный. Потом увидела отца Сергея, закатила истерику, и мы снова пошли куда-то в туман. Пришли сюда, значит. После чего я узнала, что нахожусь в прошлом, у меня внутри сидит какая-то тварь. И начались эти «танцы с бубнами». Теперь я должна ловить ей подобных. Прелестно, не правда ли? Но это, наверно, вам уже поведал настоятель этого монастыря.

Победоносцев молча кивнул. Видимо, мой ответ полностью его удовлетворил.

— Туман, значит... — произнёс он, вновь что-то чиркая в своём блокноте. — Полина Андреевна, должен сообщить вам, что фамилия ваша теперь будет Туманова. Как нельзя кстати, она подойдёт к той легенде вашего появления в Санкт-Петербурге. Но, прежде всего, вам придётся пройти обучение здесь же, в этом монастыре. А потом... потом вы послужите на благо Империи.

Он сказал это так утвердительно, с такой непоколебимой уверенностью, что мне стало ясно: другой дороги отсюда у меня попросту нет.

Я посмотрела этому самоуверенному человеку прямо в глаза, стараясь сохранить хотя бы видимость внутреннего спокойствия.

— А у меня есть выбор?

Обер-прокурор усмехнулся, и это была усмешка человека, привыкшего к абсолютной власти.

— Выбор есть всегда, Полина Андреевна, но не в вашем случае. Неужели вы думаете, что, попав сюда, куда вас призвали особым ритуалом, будучи наделённой такими немислимыми способностями, вы сможете просто взять и уйти? Госпожа Туманова, судя по всему, вы умная, образованная девушка. И в этом я только что убедился. Посудите сами: вы явились из ниоткуда, без одежды, без документов и прочего. Вы сможете выйти отсюда, только тогда, когда я разрешу вам это сделать. А так как вы прекрасно знаете, что я за человек, то, наверно, представляете, что каждый ваш шаг известен мне с того самого момента, как вы здесь появились. Давайте

просто сделаем вид, что у вас даже не возникло и тени сомнения в моей благосклонности. Под моим покровительством вы получите новую жизнь. И не извольте сомневаться, она будет достойной.

— У нас с вами будет о чём поговорить в дальнейшем, — подытожил он, убирая блокнот. — А сейчас разрешите откланяться. Государственные дела, знаете ли, ждать не будут.

Он поднялся со скрипучего стула и направился к выходу. Глядя на его прямую, уверенную спину, мне хотелось закричать ему вслед: «Нет, не согласна! Я не просила об этом! Верните меня домой, в мой понятный и привычный мир!» Но я молчала. Да и смысл? Этот человек не принимал отказов!

У самой двери Победоносцев вдруг остановился, словно что-то вспомнив, и обернулся. Его острый взгляд снова впился в моё лицо.

— Полина Андреевна, а кем вы были там... в той жизни? В чём именно заключалась ваша работа?

Я вздохнула, чувствуя, как наваливается усталость от пережитого дня.

— Я работала в архиве. Институт судебных экспертиз. Была экспертом и специалистом по документам. Занималась подлинностью бумаг. И ещё корректировщиком аудиозаписей... если вам это о чём-то говорит.

Он на мгновение замер, переваривая услышанное, и в его глазах блеснул холодный, расчётливый огонёк. По лицу скользнула едва заметная, почти пугающая улыбка.

— Это просто замечательно, — негромко произнёс обер-прокурор.

Дверь за ним закрылась, оставив меня одну в полумраке кельи.

Через некоторое время ко мне тихо вошла Авдотья. Я сидела на кровати, не шевелясь и бессмысленно уставившись в стену. Значарка подошла ко мне и мягко, по-матерински погладила по плечу.

— Грозный мужчина, — вздохнула она. В голосе слышалась искренняя тревога. — Я сама, как вижу его, так душа переворачивается. Ох, нелегко тебе придётся, милая... Ты-то как? Здорова?

Я медленно кивнула, чувствуя, как вместе с осознанием реальности возвращается и телесный голод.

— Есть хочу.

Бабушка всплеснула руками, лицо её осветилось привычной заботой.

— Пойдём, дочка, накормлю тебя. Гости-то ещё с настоятелем беседу ведут. Ты им без надобности.

Мы вышли в прохладный коридор и направились к выходу. Миновав тяжёлые двери, вскорости завернули за угол монастырской постройки. Я уже собиралась последовать за Авдотьей дальше, когда вдруг поймала себя на странном ощущении: словно что-то невидимое потянуло меня назад, заставив замедлить шаг. Придержав значарку за руку, я выплянула из-за угла. Любопытство пересилило осторожность.

Возле богато украшенной кареты стоял настоятель, Победоносцев и ещё один мужчина. Судя по всему, тот самый Григорий. Он выглядел полной противоположностью сухому и строгому обер-прокурору. Высокий, привлекательный шатен. На вид ему было около тридцати пяти лет, может, больше. Именно тот возраст, когда мужская сила сочетается с мудростью. Правильные, благородные черты лица, уверенная осанка и какой-то особый магнетизм, который чувствовался даже на расстоянии.

В какой-то момент он, словно почувствовав мой взгляд, резко повернул голову. Наши глаза встретились. Время замерло: на мгновение исчезли звуки монастырского двора, суeta и присутствие Победоносцева. Во взгляде мужчины промелькнул живой интерес.

Он первым отвёл глаза, и они с Константином Петровичем скрылись в недрах экипажа. Отец Сергей размашисто перекрестил лакированный кузов. Раздался резкий свист хлыста, и

транспортное средство, поскрипывая рессорами, выехало со двора монастыря, оставляя после себя лишь лёгкое облако пыли.

Глава 11

Обучение началось без раскочки. Утро всегда начиналось в дальней келье отца Сергея. Настоятель не читал мне проповедей. Он просто клал передо мной свои тетради, исписанные мелким, убористым почерком. Это была его «картотека» – систематизированный каталог человеческого горя и потустороннего паразитизма.

Я читала их с жадностью судебного эксперта. Подселенцы, лярвы, пиявки, эфирные жгуты... Оказалось, мир теней был структурирован не менее чётко, чем архив МВД. Были «бродяги» – мелкие сущности, питающиеся случайными вспышками гнева. Были «родовые гнёзда» – те, что передавались в семьях как проклятое наследство. А ещё «кукловоды» – сложные подселенцы, способные годами выстраивать жизнь носителя ради одной единственной цели: окончательного разрушения души. Но самыми опасными были «духовики» – разумные паразиты, способные полностью подменять личность носителя, действуя тонко и расчётливо. Подвиды множились: «пиявочники», «эфирные черви», «тени-двойники». Я изучала их почерк так же, как когда-то запоминала особенности водяных знаков на ценных бумагах. И однажды чётко осознала, что мне самой нужно архивировать каждый подвид и классификацию. Воодушевилась, чувствуя, как мой рациональный ум из будущего превращает этот мистический хаос в ясную систему координат.

Вскоре попросила выдать мне блокнот и начала вести свою личную картотеку тварей. Моя память уже не вмещала всю информацию, и я старательно записывала всё, что видела. Теоретические знания подкреплялись практикой. Когда к наставнику приводили «порченных», я садилась в тени у дальней стены и наблюдала за тем, как он работает.

«Пиявки обыкновенные» – питаются мелкими обидами, пахнут застоявшейся водой. «Голодные тени» – выпивают жизненную силу до дна, их присутствие выдаёт резкий запах озона и меди. Шептала я, тщательно зарисовывая их очертания. Записывала частоту вибраций, которую улавливал мой слух перед их появлением. Это была сухая, беспристрастная работа. Я находила в этом странное удовлетворение, испытывая своеобразный азарт.

Отец Сергей действовал как хирург, показывая мне, как именно нужно «подцепить» сущность, чтобы она не разорвала носителя. Я видела, как из бледных, бьющихся в агонии людей выходят твари, напоминающие сгустки чёрной копоты или скользкие полипы.

Когда к нему приводили «порченных», я садилась в тени, у дальней стены, и наблюдала за тем, как он работает.

Однажды при мне настоятель изгонял лярву. Тётка, которую привезли к нему, казалась совершенно безумной, она рычала от злости, дико вращая глазами. Но я слышала и другое: за её криками шёл тонкий, едва уловимый свист, похожий на звук закипающего чайника где-то в соседней комнате.

— Смотри внимательно, Полина, — шепнул священник.

Он не касался её. Его руки совершали пассы в воздухе, словно он распутывал невидимые нити. Лярва, похожая на пульсирующую медузу, вцепилась в солнечное сплетение одержимой. Сергей сделал резкое движение, будто вырывал сорняк с корнем, и в ту же секунду я услышала оглушительный хлопок, словно лопнула струна. Женщина обмякла, а воздух в келье на мгновение стал горьким, как полынь. Я тут же занесла это в свои записи: «Лярва подтипа «гнев»: при изгнании даёт акустический удар на высоких частотах».

После обеда наступало время Авдотьи. С ней было спокойнее всего. Мы уходили далеко в лес, к её уединённой избушке. А иногда ещё дальше, к древним петроглифам, высеченным на гранитных валунах. Там, среди вековых елей, Авдотья учила меня «расширять» слух.

— Не слушай ушами, Поля. Слушай кожей, — говорила она, прикладывая мою ладонь к холодному камню.

На этих петроглифах я училась различать фон. Камни гудели. Они хранили эхо событий тысячелетней давности. И среди этого гула я должна была научиться выделять «чужеродные вкрапления». Авдотья была моим проводником в мир интуиции. Она помогала мне принять тот факт, что мой дар – это не проклятие, а инструмент, который нужно просто настроить.

Но самыми тяжёлыми были часы, проведённые с человеком по имени Жаргал. Это был мужчина азиатской внешности, то ли бурят, то ли монгол, с лицом, похожим на застывшую маску из жёлтого камня. Он учил меня драться и не делал скидок на то, что я женщина. Говорил мало и только по делу.

— Крепко держи. Дыши животом, — коротко бросал он.

Сначала это были палки. Синяки на руках не проходили. Плечи ныли от постоянного напряжения. Но был неумолим и учил меня использовать инерцию противника, быть текучей и быстрой. Затем пошли ножи и короткие пики. Я тренировалась метать их в старое дерево, пока мои движения не стали автоматическими.

Однажды, после очередной такой тренировки, я спросила у отца Сергея:

— Кто он? Откуда здесь?

Настоятель посмотрел на застывшего Жаргала, который стоял в неподвижной позе, глядя на заходящее солнце.

— Никто не ведает, Поля, из каких краёв его путь начался. Пришёл в обитель зимой, когда бушевала стужа. Раненый, едва живой. Я выходил его. А когда он оправился, сам просил остаться. Есть в нём знание, которое нам, монахам, неизвестно. Видит мир без прикрас, таким, каков он есть. Слушай его, милая. Его наука тебе ещё жизнь спасёт, когда молитвы будет мало.

Вечера были посвящены «светской маскировке». Победоносцев готовил меня к переезду, и я должна была быть безупречной. Чтобы я могла влиться в общество Петербурга, ко мне приставили сестру Манефу из женской обители – женщину строгую, с поджатыми губами. Она муштровала меня: как держать спину, как выходить из кареты, как смотреть на мужчину, чтобы не выдать своего интереса.

А французский... это было моим отдыхом. Преподавал его бывший учитель гимназии, ныне принявший постриг. Язык давался мне удивительно легко. Те правила об артиклях и группах глаголов, что я когда-то учила в своей школе, как второй дополнительный, всплывали в памяти сами собой. Монах удивлялся моей хватке, а я просто радовалась возможности слышать что-то, кроме церковнославянского или сухих приказов бурята. Когда мы читали с ним Рабле или Мольера, я переставала думать о лярвах и метательных ножах. Для инок Никодима эти уроки тоже были единственной связью с прошлой жизнью. Порой он забывался, начиная обсуждать со мной тонкости французской философии, словно мы были не в монастырской библиотеке, а в петербургском салоне.

Я училась быть двумя людьми одновременно: экспертом по потусторонним паразитам, способным убить броском ножа, и светской дамой, которая может поддержать беседу о парижских модах или литературных тонкостях. И чем сильнее я становилась, тем яснее понимала: Победоносцев создаёт из меня идеального воина-стражницу. Но он забыл об одном: у таких людей могут быть свои цели.

А потом пришла зима. И в конце февраля метель выла так, будто все «сущности» собрались разом под стенами монастыря. В один из таких вечеров в дверь постучали. Это был послушник, бледный и перепуганный.

— Полина Андреевна... отец Сергей кличет.

Я накинула полушубок и поспешила через заснеженный двор. В его келье было непривычно холодно. Лампа коптила, бросая длинные, ломаные тени на стены. Настоятель лежал на своей кровати, укрытый тяжёлым тулупом. Его лицо, обычно суровое и волевое, казалось сейчас прозрачным.

Он тяжело, надсадно закашлялся, и в этом кашле слышался хрип, который мне совсем не понравился. Я подошла ближе, и моё сердце сжалось.

— Пришла... — прохрипел он, не открывая глаз. — Садись. Времени у нас мало, а договорить мы не успели.

Я опустилась на край табурета, чувствуя, как по спине пробежал холод. В комнате пахло самой «тьмой», которую он учил меня распознавать.

Глава 12

Впервые я видела Сергея таким немощным, уязвимым. Лицо было серым, губы посинели, а из грудной клетки вырывались свистящие звуки.

— Вон там, на столе... — прохрипел он, махнув слабой рукой. — Приготовил всё, что тебе нужно. С собой заберёшь.

Поднявшись, я подошла к столу. Там, в строгом порядке, стояло несколько деревянных шкатулок разного цвета и размера. Тетради с записями. Рядом лежал мешок, из которого торчали кончики всевозможных игл. Я вытащила одну – длинная, стальная, холодная. По правде говоря, она выглядела больше как канцелярское шило. Моя память услужливо подсказала: в архивах и канцеляриях такие использовали для прокалывания толстых пачек листов перед сшивкой. Для обывателя – игла. Но я-то знала правду. Это был наш инструмент, превращённый в орудие борьбы с иным миром.

Однако рядом находилось нечто, чего я прежде не видела у настоятеля. Несколько крупных архивных булавок, внешне почти обычных. Я хорошо знала такие. Их использовали для временного крепления бумаг, но эти выглядели иначе: там, где обычно был кругляшок, торчали две острые металлические шпильки. Священник никогда не использовал их при мне во время обрядов.

Я снова посмотрела на отца Сергея. Он дышал тяжело, со свистом.

— Это... мне? — мой голос прозвучал глухо. — Но зачем... Вы же эти знания по крупицам собирали всю жизнь.

Старик приоткрыл глаза. В них уже не было прежнего блеска, только бесконечная усталость.

— Потому что оплошал я, Полюшка, — горько усмехнулся он, и эта усмешка перешла в кашель. — Стар стал. Руки дрожат, хватка не та. Давеча из графского сына «духовика» вытаскивал – тварь сильную, древнюю. Спешил. Тебя звать не стал... Обычной иглой его было не удержать, подцепил булавкой, да не сдюжил. Вырвался он, булавка соскочила и в ладонь вошла.

Он с трудом высвободил руку из-под шубы и протянул мне. Прямо посередине ладони багровели два точечных прокола. Кожа вокруг них была нездорового, сероватого цвета.

— Через эти ранки и вскочил, — голос его стал совсем тихим. — Недолго осталось, дочка. Жрёт он меня изнутри. Злит, что я его из тела молодого да сильного вытащил. Там бы годами пировал, а во мне что? Скоро уйду, и он со мной сгинет. А за тобой завтра придут. Тебе нужнее будет. И ещё... Жаргал с тобой поедет. Сам вызвался, и обер-прокурор благословил. Слушайся его, Поля. Он из тех краёв, где умеют не только молиться, но и с тенью биться.

Я вскинула на него взгляд.

— Он же неправославный, — произнесла я невольно. — Бурят. Ни разу не перекрестился. Какие молитвы? Как он будет помогать в таком деле?

Сергей посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом.

— Вера другая, а борьба единая, — тихо сказал он. — Не крестом одним изгоняется тьма. Есть люди, которым дано держать её не молитвой, а силой духа и чистотой сердца. Он из таких... Помогать будет и защитит, если понадобится.

Монах перевёл дыхание и продолжил уже слабее:

— Ты думаешь, Господь слышит только тех, кто крестится по-нашему? Нет, дочка. Отец наш небесный видит глубже. А Жаргал... поведал он мне, что внуком шамана является и с детства стоит на границе. Учили его иначе, но суть та же – не дать тьме укорениться в людях. Она одинаково смердит, и бьют её везде по-своему. Может сила его другая, но тоже понадобится. И поверь старику, когда тебе тяжело будет, он поможет.

Я задумалась. В памяти всплыли занятия с бурятом. Его молчаливое терпение, точность движений, то спокойствие, с каким он перехватывал мою руку, если я допускала ошибку. Ни суеты, ни лишних слов.

Я не стала возражать, напоминать о канонах и правилах, которые батюшка же мне и вдалбливал в голову. Настоятель снова зашёл в приступе. Гнев и протест вскипели во мне быстрее, чем страх. Вскочив, принялась мерить шагами тесную келью.

— Нет, так нельзя. С этим нужно что-то делать! — я остановилась перед ним. — Давайте я попробую. Я же видела, как вы это делаете. Я всё записывала!

Священник слабо замахал руками, отстраняясь.

— Не спасёшь ты меня, Поля. Только силы свои растратишь зря, а они тебе в Петербурге ох как понадобятся.

— Он вас жрёт заживо, а я смотреть буду? — я уже не говорила, а почти кричала. — Нет. Велю звать Авдотью.

Кинувшись к дверям, я увидела в коридоре того же молодого послушника, что привёл меня.

— Беги, братец, за знахаркой! Живо! — приказала я так, что тот сорвался с места, не задавая вопросов.

Отец Сергей лишь бессильно качнул головой на подушке.

— Вот упрямая девка...

Я вернулась к нему, села рядом и накрыла его ладонь своей. И в этот миг всё изменилось. Настоятель вдруг странно дёрнулся, его глаза закатились так, что остались одни белки, а рот приоткрылся в беззвучном крике. Лицо на глазах стало заостряться, черты сделались хищными, чужими.

— Отче... миленький... — зашептала я, чувствуя, как ко мне пополз ледяной холод. — Только не сейчас. Держись!

Внезапно его пальцы, стальными тисками впились в мою руку. Я вскрикнула от боли. Он резко повернул ко мне голову, и я отпрянула: белков больше не было. На меня смотрели две бездонные, абсолютно чёрные впадины.

Батюшка ухмыльнулся. Лицо его исказилось в гримасе торжествующего зла, а голос, прогрохотавший в тишине кельи, был низким, вибрирующим, чужим:

— Хочешь справиться со мной, девка? Не выйдет! Я уже в крови его, в самом сердце!

Рванула руку, вырываясь из захвата, и, не помня себя, перекрестилась. Я начала шептать молитву от козней дьявольских: ту самую, что Авдотья заставляла меня учить первой. Слова с трудом соскальзывали с губ, дыхание перехватывало.

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, огради мя Святыми Твоими Ангелы...».

В этот момент за дверью послышался быстрый топот. Дверь распахнулась настежь. На пороге стояла Авдотья, тяжело дыша, а за её плечом, словно тень, возник Жаргал. Его лицо было спокойным, но глаза светились опасным, холодным вниманием. Он уже всё понял.

Знахарка с порога оценила обстановку. Она не крестилась и не причитала.

— Держи его, Жаргал! — коротко приказала старушка, вмиг растеряв всю свою доброту и благообразность.

Бурят молниеносно шагнул к кровати. Движения мужчины были лишены суеты, и он сразу навалился на плечи беснующегося старца, прижимая его к матрасу. Отец Сергей, вернее, то, что в нём сидело, — взвыл, и этот звук был нечеловеческим. Словно скрежет железа по стеклу.

— Полина, шкатулки! — крикнула Авдотья, выхватывая из-за кармана пучок сухой травы и поднося к лампе. Комнату наполнил едкий, горький дым. — Неси среднюю, с красной меткой! Иглу бери и булавку!

Метнулась к столу. Руки дрожали, но я заставила себя сосредоточиться. Средняя шкатулка. Схватив её, передала знахарке, а затем взяла в обе руки то, что она приказала.

— Куда бить? — крикнула я срывающимся голосом. Взгляд был прикован к руке настоятеля, где чернели те самые два прокола. Кожа вокруг них вздулась, по венам вверх к предплечью поползла отчётливая, пульсирующая чернота.

— В узлы бей! Где пульс черпает! — Авдотья плеснула на ладонь старца какой-то резко пахнувшей жидкостью. — Жаргал, шепчи!

И тут я услышала голос бурята. Это не была молитва в привычном понимании. Он заговорил на своём языке – низко, гортанно, словно рокот камней в горах. От этого звука «чернота» под кожей отца Сергия замерла, а потом начала яростно метаться, пытаясь уйти выше, к сердцу.

Перехватив иглу, как стилет, я следила за траекторией движения этой твари. Мой скромный опыт подсказывал: это не просто обряд, а охота на паразита.

— Он уходит к локтю! — крикнула я.

— Коли! — рявкнула Авдотья.

Я прижала иглу к точке над локтевым сгибом, где вена вздулась особенно сильно. Кожа была твёрдой, как подошва сапога. Проколоть было трудно, и я надавила всем весом. Раздался негромкий хруст, и из-под иглы вырвался тонкий, свистящий звук, будто выходит пар из перегретого котла. Тело отца Сергия выгнулось дугой, Жаргал едва удерживал его.

— Вторую! В ладонь, где вход был! — скомандовала старуха.

Теперь, глядя на эту странную булавку с двойным остриём, я сразу поняла, зачем она. Одной иглой паразита не удержать – он скользкий. Его нужно пригвоздить в двух точках, как бабочку к пробковой доске.

Я вогнула булавку прямо в центр ладони, в те самые проколы. Чернота в глазах Сергия начала медленно стекать вниз. Старик захлебнулся криком, и вдруг из его рта повалил густой, сероватый туман, пахнувший озоном и гнилой водой. Жаргал резко выдохнул. Его лицо покрылось испариной, но он не ослабил хватку.

Туман забился в воздухе, пытаясь обрести форму. Но Авдотья накрыла его полотном, пропитанным солью и чем-то ещё.

— В шкатулку его! Живо!

Я подставила шкатулку, обитую изнутри свинцовыми пластинами. Мы буквально затолкали туда эту вибрирующую пустоту. Когда крышка захлопнулась, я схватила свечу и запечатала воском.

Отец Сергей обмяк. Его глаза закрылись, лицо начало приобретать нормальный, хоть и бледный оттенок. Жаргал отстранился, вытирая лоб рукавом. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнуло одобрение.

— Справилась, — коротко бросил он.

Авдотья тяжело опустилась на табурет.

— Пригвоздили, да не выпололи до конца. Теперь, Полина, твой черёд и тех, кто прибыл с тобой. Завтра в путь.

Глава 13

На следующее утро небо обрушилось на землю. Снежная буря была такой силы, что в двух шагах не было видно даже очертаний колокольни. Ветер ревел, заметая тропы и превращая монастырь в неприступную ледяную крепость. Я не уехала ни в тот день, ни на следующий и провела в обители ещё трое суток. Это было странное время, затишья и сборов. Методично упаковывая свои вещи, я аккуратно укладывала в саквояж тетради наставника. Стихия словно дала мне время осознать всё, что произошло, и вдохнуть этот холодный воздух напоследок.

Лишь на четвёртый день, когда метель утихла, оставив после себя ослепительную белизну и сугробы в рост человека, у ворот послышался звон бубенцов. За мной прибыли два экипажа на широких полозьях. Вещи уже были убраны в сундуки Жаргалом, который всё это время хранил молчание, словно та ночь была обыденным делом. Все шкатулки и иглы, которые настоятель завещал мне, заняли своё место в багаже. Теперь это было моё единственное наследство и оружие.

Я вышла на крыльцо, и морозный воздух тут же обжёг лёгкие, заставляя окончательно очнуться от тяжёлого сна. Снег слепил глаза своей девственной белизной. На мне было дорожное пальто из тёмно-синего сукна, подбитое мехом соболя. Высокий воротник-стойка надёжно укрывал шею от пронизывающего ветра. На руках – кожаные перчатки на меху, а на голове большая меховая шапка. Я выглядела как обычная столичная дама, возвращающаяся из паломничества. И только внимательный взгляд мог заметить в моих движениях ту собранность, которую даёт знание настоящей опасности.

У ступеней ждал молодой послушник. Он низко поклонился, не смея поднять глаз, и молча жестом пригласил следовать за ним. Мы пошли по расчищенной тропинке к келье настоятеля. Снег скрипел под моими сапожками, и этот звук казался неестественно громким в застывшей тишине монастырского двора.

Когда я вошла, отец Сергей сидел в глубоком кресле, почти утопая в складках рясы. Старец казался меньше, чем прежде, словно та борьба с «духовиком» высушила его изнутри. Он был бледен, черты лица исхудавшие, как после долгой болезни, но глаза... глаза снова стали прежними. Ясными, человеческими, полными той мудрости, которую обретаешь только на краю бездны. В них не было больше строгости – лишь глубокая, бесконечная усталость человека, который передаёт свой пост.

— Прощай, Полюшка, — тихо сказал он, когда я подошла и опустилась на колени у его ног. — Моё время ушло. Силы вытекли вместе с той чёрной кровью. В Петербурге тебе будет тяжелее, чем здесь. Там тьма в атласе да в шелках ходит, её сложнее учуять.

Он протянул свою сухую, дрожащую ладонь и на мгновение коснулся моей головы, словно благословляя или передавая последний импульс своей незримой силы. Я замерла, чувствуя тепло его пальцев, пахнувших ладаном и воском. В порыве искренней благодарности я прижалась лбом к ладони, принимая эту ношу и напутствие.

— Я справлюсь, отче. Обещаю.

Старец едва заметно улыбнулся одними уголками губ и перекрестил меня широким жестом.

— Иди, — тихо произнёс он. — И помни... свет в тебе самой. Не дай ему погаснуть.

Поднявшись, я низко поклонилась ставшему близким человеку в пояс. Не сказав больше ни слова, вышла из кельи, чувствуя, как за спиной закрывается целая глава моей новой жизни.

Возле ворот ждала Авдотья. Ветер трепал полы тёмного одеяния, но она стояла неподвижно, как изваяние. Когда подошла ближе, я увидела, что её светлые, пронзительные глаза влажно блестели. Знахарка не стала говорить напутствий. Она вдруг шагнула ко мне и крепко обняла.

— Помни всё, чему училась, девка, — прошептала старушка, отстраняясь и заглядывая мне в лицо. — В столице люди злее лесных духов будут. Шею не сломай. Если почувешь, что ноша не по плечу и не сдюжишь — кличь Жаргала. Он за тобой в самое пекло пройдёт, не побоится.

Она сунула мне в карман небольшой матерчатый свёрток — сушёный корень чего-то острого и пахнувшего, от этого запаха в носу засвербело.

— На, сохрани. Если морок разум затуманит, или чують мир перестанешь — разжуй. Вытянет. Из любой хмари вытянет.

Жаргал стоял у первого экипажа, и его облик в этот раз разительно отличался от привычного монастырского. Теперь на нём было добротное, зимнее пальто и высокая меховая шапка, которые делали его фигуру ещё более внушительной и суровой.

В этом новом одеянии он выглядел не просто помощником, а настоящим телохранителем, человеком, способным затеряться в толпе большого города и в то же время готовым к любому нападению. Он стоял на фоне искрящегося снега, спокойный и невозмутимый, словно скала. Увидев меня, он просто кивнул и молча открыл дверцу.

Полозья пронзительно скрипнули по насту, и монастырь начал медленно отдаляться, превращаясь в маленькую точку среди бесконечного белого безмолвия.

Путь из Петрозаводска тянулся бесконечной белой лентой. Заиндевелый тракт вёл нас через глухие карельские деревни, где дым из труб стоял столбом, замирая в морозном воздухе. Мы останавливались в тесных трактирах, чтобы сменить лошадей и согреться горячим сбитнем. Именно там, в одной из придорожных таверн, Жаргал открыл мне свою тайну.

Тусклая свеча между нами оплывала воском, бросая длинные тени на скулы этого необычного человека. Я смотрела на его широкие, мозолистые руки, уверенно держащие кружку, и внезапно решила нарушить наше многодневное молчание.

— Жаргал, скажи... как ты оказался там? В монастыре, среди карельских снегов. Это ведь так далеко от твоих родных мест.

Он ответил не сразу. Медленно поднял взгляд от огня, и я увидела в глазах отблеск чего-то очень древнего. Мужчина глубоко вздохнул, и его голос, зазвучал непривычно плавно:

— Предсказание было моему деду. Старик видел дальше многих, он и направил меня в эти леса. Сказал: «Иди на север, найдёшь чёрные ризы. Выйдешь к монахам, там и остаться должен».

Я затаила дыхание. Жаргал никогда не говорил так долго.

— Он сказал, что Стражница придёт, — продолжал бурят, и его взгляд стал серьёзнее. — А ещё поведал, что буду служить ей и вместе против тьмы стоять. Путь был тяжёлым. Долго я шёл, ветры карельские злые. В какой-то миг подумал: всё, не дойду. Ногу сильно поранил, кровь на снегу оставлял. Зверьё вокруг кружило, чуюло поживу...

Он на мгновение замолчал, словно снова проживая ту холодную ночь в лесу.

— И тогда я увидел кресты. Монастырь. Монахи меня уже без чувств подобрали, почти замёрзшего. Когда на ноги встал, много мы с настоятелем говорили обо всём. Но не о тебе. Отец Сергей не знал, а я ждал ровно год, Стражница.

Я смотрела на него, поражённая не только смыслом слов, но и тем, как он говорил. Исчезли обрывочные фразы и маска нелюдимого помощника. Передо мной сидел человек, который осознанно выбрал свою судьбу и ждал меня в той глуши, зная, что я приду.

— Ты ждал меня целый год? — тихо переспросила я, чувствуя, как к горлу подкатывает комок.

— Ждал, — просто подтвердил он, снова становясь лаконичным. — Знал, что придёшь.

— Сколько же ты был в пути, Жаргал? — тихо спросила я, пытаюсь осознать масштаб его преданности цели, о которой он до нашей встречи знал лишь из туманных слов деда.

Мужчина посмотрел на свои ладони, словно видел на них пыль всех дорог, что оставил за спиной.

— Долго. Две зимы проводил в дороге. Из родных степей вышел с торговым караваном, что вёз чай и пушнину по Сибирскому тракту. С ними было сытно и спокойнее против лихих людей. Но когда небо над головой сменилось и ветер принёс запах другой хвои, я понял – время пришло. Ушёл от них ночью. Свернул с натопанной тропы и пошёл своей дорогой. Сердце вело, словно всегда знал, за каким холмом спрятаны карельские скалы.

Я смотрела на него, поражённая этой непоколебимой уверенностью.

— Значит, ты такой же, как я? — мой голос дрогнул. — Ты тоже слышишь... их? Видишь то, что скрыто за пеленой?

Бурят медленно покачал головой, и тень от его движения скользнула по бревенчатой стене.

— Могу много, но не так, как ты. Тебе больше дано. Мужской дар редко бывает таким чистым и сильным. Нам учиться долго надо, годами изнурять плоть, чтобы хоть на миг коснуться истины. Да и грехи этого мира, заботы о власти и силе, быстро застят глаза, делают их слепыми к тонкому.

Он чуть подался вперёд, и свет свечи отразился в его тёмных зрачках.

— Женщина другая. Она мягче, глубже... Чувствует саму суть жизни и смерти, потому и призвали вас. Моё дело – быть твоим мечом и щитом, пока ты смотришь в темноту. Чтобы эта темнота не коснулась тебя раньше времени.

Его голос, обычно скупой на звуки, лился ровно и веско. Получается, его дед, старый шаман или провидец, предрёк ему этот путь: идти два года в карельские леса, к православным монахам, и ждать ту, что придёт сражаться с тенью. А затем целый год молитв и боевых тренировок в ожидании женщины, которую он никогда не видел, но чью судьбу разделил заранее. Когда он закончил, я долго смотрела на пламя свечи, понимая: в Петербурге я появлюсь не одна. Со мной едет моя тень, мой щит и брат по оружию.

Столица встретила нас не парадным блеском, а колючим, пронизывающим холодом, который, казалось, выдувал саму душу. Февраль 1884 года выдался злым: это было время «кривых дорог» и серого неба, которое висело над головой так низко, что шпили соборов казались подпорками для этого свинцового брюха туч. Город задыхался в тяжёлом мареве. Копоть из тысяч угольных печей смешивалась с густым, липким туманом, который сползал с закованной в гранит и лед Невы. Воздух был плотным, его хотелось оттолкнуть руками. Жёлтые пятна газовых фонарей едва пробивались сквозь эту мглу, создавая зыбкие коридоры света, в которых люди казались лишь бесплотными тенями.

Я смотрела в окно экипажа, на проплывающие мимо доходные дома, чьи тёмные окна-глазницы прятали тысячи тайн. Петербург больше не казался мне просто местом службы. Теперь я видела его иначе: за величественными фасадами Невского проспекта я кожей чувствовала копошение «духовиков». Город был болен. Жадность, похоть, отчаяние – эти эманации буквально вибрировали в воздухе И я, со своим обострившимся слухом, улавливала этот зловещий гул.

Жаргал сидел напротив, меховая шапка почти касалась верха экипажа. Мужчина не сводил глаз с улиц, и я видела, как его ноздри подрагивают. Он тоже чуял эту городскую скверну. Мы проезжали мимо освещённых витрин магазинов, мимо спешащих чиновников в шинелях и дам в красивых шубах, но всё это казалось лишь тонкой театральной декорацией. Под ней пульсировала настоящая жизнь города – тёмная, голодная и полная паразитов.

Повозку в очередной раз подбросило на ледяном надолбе, и мои зубы невольно клацнули. Жаргал, сидевший напротив, лишь крепче сжал кулаки, покоившиеся на коленях. Взгляд оставался невозмутимым, но я видела, как напряжены плечи – городская суeta и эта бесконечная тряска были ему в тягость.

Наконец, колёса заскрежетали по обледенелому булыжнику, который в этом месте был расчищен чуть лучше, и экипаж замер.

— Похоже, приехали, — тихо сказала я, скорее самой себе, чем спутнику.

Я протянула руку и кончиками пальцев стёрла изморозь с мутного, дребезжащего окна. За стеклом, в серой кисее февральского утра, проступили очертания массивного дома. На углу, под тусклым фонарём, висела обледеневшая табличка. Прищурившись, вдруг поймала себя на том, что делаю это по привычке. Скользнув глазами по фасаду, я прочитала: «Шпалерная, 22».

Глава 14

Из первого экипажа вышли офицеры, сопровождавшие нас. В утренних сумерках их шинели казались почти чёрными, а движения механическими. Они споро подошли к массивному подъезду, над входом в который тяжело, словно насупленные брови, нависал козырёк.

Жаргал выбрался первым. Его огромная фигура на мгновение заслонила дверной проём, отсекая от холодного петербургского марева. Он подал руку, и я оперлась на неё, чувствуя, как под сапогами противно хрустит ледяная крошка вперемешку с солью и сажей.

В этот момент на крыльце появился человек в строгом тёмном пальто. Он не произнёс ни слова, лишь коротко махнул рукой, призывая следовать за ним. Мы вошли в подъезд, и тяжёлая дубовая дверь за нашими спинами с глухим стуком захлопнулась, отрезая лязг копыт по булыжнику.

Мужчина уверенно шёл впереди, ведя нас через анфиладу коридоров. Здесь пахло старым деревом и той специфической тишиной, которая бывает только в домах с очень толстыми стенами. Мы свернули в отдельное крыло и поднялись по лестнице во флигель. Сопровождающий остановился перед высокой дверью, провернул ключ в замке и отступил в сторону, пропуская нас вперёд.

— Его превосходительство распорядился подготовить всё к вашему приезду, — негромко произнёс он. — Располагайтесь. Прислуга прибудет через десять минут с горячим завтраком.

Затем он повернулся ко мне и, коротко поклонившись, протянул запечатанный плотный конверт с тиснением Святейшего Синода.

— Письмо от Константина Петровича, — добавил встречающий. — Его Высокопревосходительство просили передать, что экипаж прибудет ровно через два часа. Ваш спутник, — он мельком взглянул на Жаргала, — должен остаться здесь и дожидаться вашего возвращения. Таково распоряжение.

Мужчина ещё раз поклонился и быстро удалился. Его шаги мгновенно поглотила тишина коридора. Жаргал, не говоря ни слова, шагнул внутрь квартиры. Я осталась в прихожей, слушая, как он методично обходит комнаты. Пальцы, всё ещё зябнувшие после уличного холода, с трудом надломили сургучную печать. Развернув плотную бумагу, я впилась глазами в ровные острые строки, написанные рукой обер-прокурора.

«Милостивая государыня Полина Андреевна,

Позвольте ещё раз выразить соболезнования вашему вдовству. Петербург – город с долгой памятью и острым слухом, а потому отныне и до особого распоряжения вы – Полина Туманова, вдова статского советника Александра Николаевича Туманова. Последние три года, пока ваш супруг неустанно трудился на благо Империи, здесь, в столице, вы пребывали в затворничестве. В вашем родовом имении под Лугой, оправляясь от последствий затяжной лихорадки. Ваша нелюдимость и внезапное появление оправданы лишь необходимостью разобрать наследственные бумаги. А также для урегулирования имущественных и пенсионных дел. Квартира на Шпалерной закреплена за вами как милость ведомства за особые заслуги покойного мужа.

Ваш спутник – преданный слуга, вывезенный Тумановым из Забайкалья в одну из восточных миссий. Прошу строго придерживаться этой легенды: для Петербурга вы вдова, ищущая покоя.

К назначенному времени экипаж доставит вас в здание Синода. Я жду вас для принятия присяги. Помните, Полина Андреевна, что отныне ваше слово – это слово государственного служения, а ваш дар – инструмент в руках Провидения.

К. П. Победоносцев».

Я медленно опустила письмо. Присяга. Обер-прокурор не терял времени даром: он хотел закрепить наш союз официально.

Жаргал бесшумно возник в дверном проёме. Он ничего не спрашивал, и я сама протянула ему листок. Мужчина быстро пробежался глазами по строчкам. Его лицо осталось непроницаемым, но в глубине зрачков промелькнуло понимание: правила игры приняты. Он коротко кивнул, возвращая мне письмо, и этот жест означал, что роль «верного нукера» им усвоена.

Я прошла вглубь квартиры, и с каждым шагом тяжесть на душе становилась чуть легче. В гостиной уже вовсю дышала жаром изразцовая печь. Я подошла к ней, чувствуя, как кафель ласкает озябшие ладони, и на мгновение закрыла глаза.

— Ну вот мы и дома, — тихо произнесла я, обращаясь скорее к самой себе. — Если этот холодный каменный мешок можно назвать домом.

В прихожей послышался приглушённый говор и мягкий стук — заносили наши сундуки. Вскоре в дверях гостиной появились двое.

Это была пара средних лет, от которых веяло той особой надёжностью, что ценится в хороших домах превыше всего. Женщина, статная, в опрятном сером платье и тёплом платке на плечах, прижимала к себе объёмистую плетёную корзину, накрытую белоснежным полотенцем. От корзины шёл умопомрачительный аромат свежего хлеба и чего-то мясного. Рядом с ней стоял коренастый мужчина с открытым честным лицом и внимательными глазами.

— Ваше высочордие, с приездом вас, — женщина чуть склонила голову в почтительном, но лишённом раболепия поклоне. — Я Евдокия, а это муж мой Степан. Нам велели к вашему приходу всё приготовить, да вот припозднились малость — за горячим заезжали.

Она с заметным облегчением поставила корзину на край стола.

— Мы тут и провизии на первое время привезли, и завтрак горячий. Вы с дороги-то совсем иззябли, чай. Пока Степан с вещами поможет да самовар поставит, я в столовой накрою. А пока пойдёте, я вам скоренько квартиру покажу.

Степан молча, но очень вежливо кивнул сначала мне, а затем Жаргалу, признавая в нём хозяина мужской части забот. В его взгляде не было страха перед «инородцем», лишь спокойное любопытство мастерового человека.

— Позвольте, — басовито прогудел он моему спутнику. — Я покажу, где ваша комната, сударь, и куда вещи барыни определять.

Они начали слаженно перетаскивать багаж. Квартира, ещё десять минут назад казавшаяся застывшим музеем, начала наполняться жизнью.

Евдокия, поправив на плечах платок, с тихим почтением двинулась впереди, открывая передо мной двери одну за другой. Шесть комнат — просторных, наполненных мягким сияньем февральского утра, который пробивался сквозь чистые стёкла. Высокие потолки с изящной лепниной не давили, а скорее давали пространство для вдоха.

Сначала мы оказались в просторной передней, где огромное зеркало в тяжёлой раме отражало мой дорожный облик: бледность и решимость в глазах. Отсюда анфилада комнат уходила вглубь квартиры. Мы прошли в залу с проникающим в высокие окна светом.

Следом открылась столовая. Массивный дубовый стол, накрытый белоснежной скатертью, выглядел почти торжественно. Евдокия на ходу поправила прибор, и звон тонкого фарфора отозвался в стенах чистой нотой. За столовой обнаружился кабинет — место, которое я сразу определила для своей работы. Стены здесь были заставлены книжными шкафами, а шторы из тёмно-зелёного бархата выглядели очень дорого. Жаргал уже стоял там, молча прислонившись к косяку, и его взгляд сканировал каждый угол, каждую щель в паркете.

Дальше коридор вёл в спальню, где воздух казался более густым и тёплым. Кровать под высоким балдахином манила обещанием долгожданного сна. Напротив моих покоев, за неприкрытой дверью скрывалась святая святых городского комфорта — ванная комната. Там уже

вовсю хозяйничал Степан: я слышала мерный треск дров в медной колонке и чувствовала, как потянуло влажным древесным паром. Это тепло было сейчас нужнее всего.

Завершала наш обход небольшая уютная комната, которую Евдокия назвала «чайной», или малой гостиной. Здесь было меньше пафоса, зато стояла мягкая кушетка и небольшой столик у окна.

— Вот и всё ваше царство, Полина Андреевна, — Евдокия обернулась ко мне, прижимая руки к груди. — Мы со Степаном за той дверью, на кухне да в людской обретаемся. Вы только колокольчиком кликните, мы вмиг явимся. А сейчас извольте горячего откусать, пока Степан ванну ладит.

Я кивнула, чувствуя, как стены этого дома начинают принимать нас. Жаргал прошёл мимо меня в сторону чёрного хода. Я знала, что он не успокоится, пока не проверит каждый замок и не убедится, что у этой крепости нет уязвимых мест.

Подойдя к окну, я рассматривала строгие, вытянутые в струнку фасады зданий напротив. Не оборачиваясь, спросила:

— Скажите, Евдокия, а где именно мы находимся? Это доходный дом? Кто наши соседи?

Служанка, собиравшаяся было выйти, замерла. Она замялась, неловко теребя край своего передника, и в её голосе проскользнула запинка, перемешанная с выученным почтением.

— Что вы... Какой же доходный. Это казармы Гвардейской конной артиллерии, здание ведомственное. Квартира-то служебная, к Синоду приписана. Да в самом военном квартале. Тут всё строго, под присмотром, случайных людей не водится.

Она сделала шаг ко мне и немного понизила голос, словно сами стены могли обладать слухом:

— Вы уж простите, Полина Андреевна, но нам со Степаном... велено. Нам строго велено докладывать о каждом вашем шаге, о гостях и о том, куда отлучаться изволите. Вы не сердчайте, служба такая, — она виновато шмыгнула носом, глядя в пол.

Я медленно повернулась к ней. На моих губах заиграла едва заметная улыбка – спокойная и почти сочувственная. Почему-то я совершенно не была удивлена.

— Ну что вы, Евдокия, — мягко произнесла я, глядя прямо ей в глаза. — Я всё понимаю. Служите честно, докладывайте, что сочтёте нужным. Главное, чтобы в доме был порядок, а в печи – дрова.

Служанка облегчённо выдохнула, словно с её плеч спала невидимая гора. Она расправила передник и поклонилась уже с гораздо большей теплотой в глазах:

— Об этом не беспокойтесь, барыня. Всё исполним в лучшем виде, комар носа не подточит. Пойду я, самовар уж поспел.

Глава 15

Ванна была горячей, почти обжигающей, и аромат лаванды от мыла на мгновение заставил меня забыть о февральской сырости за окном. Пальцы уже потянулись к шпилькам, ужасно хотелось смыть с волос дорожную копоть и тяжесть последних дней, но я вовремя остановилась.

До присяги оставалось всего два часа.

«Не хватало ещё свалиться с воспалением в первый же день», — одёрнула я себя. Влажные волосы в феврале, пусть даже я буду в закрытом экипаже, — верный путь в лазарет или, что хуже, в могилу».

Я не собиралась рисковать всем ради ощущения полной чистоты. Быстро собрав тяжёлые пряди в низкий, тугой узел, я закрепила его шпильками. Немного подумав, я всё же вытащила два тонких локона по бокам, позволяя им обрамить лицо — это добавляло образу мягкости.

Вернувшись в спальню, я почувствовала долгожданное облегчение. Тело дышало свежестью. Евдокия уже разложила на широкой кровати мой сегодняшний «доспех»: белоснежную блузу с накрахмаленным воротником, тяжёлую, тёмную юбку, шляпку и тонкие белые перчатки. Сама она почти скрылась в недрах огромного гардероба, и было слышно, как она что-то увлечённо бормочет себе под нос, перебирая вешалки.

Заглянув ей через плечо, буквально обомлела. Гардероб был набит вещами на все случаи жизни: от строгих визитных платьев из плотного шёлка до роскошных пальто на беличем меху. На полках теснились коробки со шляпками, а в углу, на специальной перекладине, висели несколько горжеток — лисьи и соболиные мордочки хитро поблёскивали бусинками глаз в полумраке шкафа. Были наряды и поскромнее, и те, что кричали о статусе вдовы статского советника.

Я мысленно присвистнула.

— Это всё... моё? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Служанка обернулась, сияя от гордости:

— Конечно, ваше высочордие, а как же иначе! Тут на все случаи припасено. Траур-то ваш к концу подходит, а вы женщина ещё молодая, видная. Негоже в одном чёрном-то чахнуть.

Когда с помощью Евдокии я, наконец, облачилась в приготовленный наряд и взглянула на себя в зеркало, то невольно вздрогнула. Ёлки-палки... На вдову я тянула слабо. Из глубины амальгамы на меня смотрела благородная девица из Смольного, чистая, строгая и пугающе юная.

В голове тут же зазвучал старинный, надрывный романс: «Ведь я институтка, я дочь камергера... Я чёрная моль, я летучая мышь. Вино и мужчины — моя атмосфер-ра...»

Я горько усмехнулась своему отражению. Только не мужчины. Мне с лихвой хватило того, что произошло в моей прошлой жизни. Эта рана затянулась, но иногда всё ещё ныла, как старый перелом на перемену погоды. Понятно, что благовоспитанные дамы в это время не пьют, тем более перед присягой, но так хотелось хоть глотком отметить это пугающее начало новой жизни.

Стук в парадную дверь прозвучал отчётливо, заставив вздрогнуть. Я быстро накинула пальто и, оставив Жаргала присматривать за нашим новым жилищем, вышла навстречу сопровождающему. В холле здания кучковалась группа офицеров. Их разговоры на мгновение стихли — десятки глаз проводили меня внимательными, оценивающими взглядами. Для них я была лишь красивой незнакомкой, чьё появление в этом сугубо мужском ведомственном мире выглядело интригующей загадкой.

Через двадцать минут экипаж доставил нас к массивным дверям Синода. Мой спутник молча шёл на шаг впереди, лишь изредка указывая рукой направление в бесконечных лабирин-

тах коридоров. Остановившись перед высокими двустворчатыми дверями, он произнёс низким голосом:

— Мы пришли, Полина Андреевна. Вас уже ждут.

Он распахнул двери, и я невольно замедлила шаг. Это была церковь. В полумраке, пронизанном запахом ладана и воска, у алтаря стояли двое: обер-прокурор, который, завидев меня, коротко кивнул, и священник в торжественном облачении.

Но всё моё внимание заняли три женщины, стоявшие чуть поодаль. Сомнений не оставалось – это были мои современницы. Несмотря на исторические наряды, их выдавали лица, мимика, сама манера держать голову. Двадцать первый век просвечивал сквозь корсеты и кружева, как невидимое клеймо. Раньше я бы предпочла остаться в тени колонны, но сейчас во мне проснулось жгучее желание подойти и заговорить.

Первой я заметила очень высокую рыжую девушку. Присмотревшись, увидела, что глаза у неё разного цвета – редкая и притягательная черта. Она была мила, но ей явно было не по себе в этих одеждах: она то и дело поправляла жакет и переступала с ноги на ногу, словно спортсменка перед стартом. Дай ей сейчас волейбольный мяч, и она мгновенно обрела бы ту уверенность, которой сейчас так не хватало.

Вторая, красивая шатенка с янтарными глазами – казалась совершенно одухотворённой. Её взгляд был затуманен, словно она прямо сейчас сочиняла стихи или видела нечто, недоступное остальным. Третья, жгучая брюнетка с точёной фигурой, стояла со скучающим видом, будто зашла сюда на минуту из великого одолжения. По её плотно сжатым губам было ясно: палец в рот не клади, характер стальной.

Тут двери снова скрипнули, и вошла пятая. Яркая, с высокими скулами и тёмными глазами – типичное лицо из рекламы фитнес-центра. Красавица, привыкшая к наушникам и беговой дорожке. Победоносцев тут же подошёл к ней, что-то негромко сказал и указал место чуть впереди меня.

Обер-прокурор завёл длинную, торжественную речь про бремя служения Империи, про защиту Державы и нашу избранность. В какой-то момент мне даже представилось, что он сейчас предложит две таблетки на выбор, как в «Матрице». Синяя – и ты дома, в своём времени. Красная – и остаёшься здесь, Стражницей Невского края. И как я, высоко подняв голову, выбираю красную, а за мной и остальные девчонки. Один за всех, и все за одного...

— И помните, барышни, — закончил свою речь действительный тайный советник, — ваша плоть и дух отныне принадлежат Русской Земле и Православной церкви. Можете представиться друг другу.

Я тряхнула головой, прогоняя нахлынувшие образы. «Ну ты дала, Полина Андреевна, — ехидно шепнул внутренний голос. — Взрослая дама, вдова статского советника, а туда же – в фантазии. Ты бы ещё женщиной-кошкой себя возомнила».

Девушка, стоявшая прямо передо мной – та самая, «с фитнес-плаката», вдруг обернулась и пристально посмотрела. Я по привычке прищурилась, изучая её лицо. Мой взгляд, должно быть, со стороны казался высокомерным и надменным. Друзья не раз говорили, что я хожу, задрав нос, и рассматриваю людей с пренебрежением. Вечно приходилось оправдываться, что я просто плохо вижу, и для меня все вокруг – лишь размытые пятна.

Я тут же спохватилась и искренне, открыто улыбнулась, вкратце объяснив свою прошлую беду со зрением. Лёд мгновенно растаял. Девушка смягчила взгляд и негромко представилась:

— Татьяна Фёдоровна Ведовская.

К нам тут же потянулись остальные, и официозная тишина церкви наполнилась приглушёнными, торопливыми фразами. Знакомство произошло на удивление легко, словно мы были не случайными попутчицами в истории, а родственницами, не видевшимися целую вечность. Нам всем отчаянно хотелось выговориться.

Так, я узнала, что яркая брюнетка с весьма соблазнительной фигурой – Анна Львовна Лиходеева. Как я и почувствовала с первого взгляда, она была острой на язык и за словом в карман не лезла. Утончённая, словно из фарфора, Ксения Дмитриевна Чуева держалась с достоинством. А рыжая «волейболистка» Ирина Петровна Бесова, старательно и немного неуклюже вставляла в речь французские слова. Было видно, как она пыхтит над прононсом, но когда кто-то шепнул про банкет, она расплылась в искренней улыбке. За эти искрящиеся разноцветные глаза ей можно было простить любое произношение.

Наше весёлое щебетание прервал сухой, резкий голос Победоносцева. Он объявил, что время пришло.

Глава 16

Наступила тишина, прерываемая лишь треском свечей. Когда подошла моя очередь, шагнула к алтарю. Коснувшись рукой прохладной кожи переплёта Писания, я почувствовала странный трепет. Взгляд утонул в дрожащем пламени свечи, и слова присяги, древние и тяжёлые, полились сами собой, резонируя где-то глубоко в груди:

— Клянусь служить верой и правдой против сил тьмы и врагов Престола...

В этот момент я ощутила, что это не просто формальность. Это был контракт с самой судьбой.

Когда торжественная часть в церкви, наконец, подошла к концу и клятвы были произнесены, всех перевезли в особняк ведомства Победоносцева. Нас усадили за стол, и Константин Петрович, верный своей привычке, затянул длинную витиеватую речь. Но, видимо, даже до него долетело волнение пятерых молодых женщин, и, осознав, что слова тонут в звоне приборов, он милостиво замолчал, приступив к трапезе.

Есть совсем не хотелось – плотный завтрак Евдокии всё ещё держал оборону. Вышколенный, подтянутый гарсон бесшумно поставил передо мной бокал шампанского. Я заворожённо смотрела на цепочки пузырьков, стремящиеся вверх, и вдруг отчётливо вспомнила, как сидела в свадебном платье и точно так же гипнотизировала вино.

Опрокинув игристое в себя, я закусила шампанское шоколадным трюфелем. Горький вкус и колкие пузырьки – боже, как вкусно! Жизнь-то, оказывается, налаживается. Я кокетливо подмигнула молодому официанту, оценив его безупречную осанку. «И где только таких красавчиков набирают?» – промелькнула шальная мысль. Подняв пустой бокал, я жестом попросила повторить.

После третьего, почувствовав приятную лёгкость, подозвала парня поближе, поманив его пальцем. Когда он послушно наклонился, чуть повела плечом. Ну, чистая Лара Крофт, расхитительница гробниц, не иначе. Прищулив глаза, я томно прошептала:

— Голубчик, не утруждай себя лишней беготнёй. Неси-ка сюда сразу целую бутылку и оставь на столе.

Бедный юноша заметно смутился, но просьбу исполнил беспрекословно. Я оглядела залу. А хорошо ведь сидим! И компания подобралась на редкость душевная. Даже этот суровый «бука» Константин Петрович в золотистом свете люстр уже не казался таким грозным боссом. Я тихонько захихикала, глядя на его серьёзный профиль. Какие же они все, право слово, милые и хорошие...

Иришка поглощала еду со скоростью света – оно и понятно, вон какая атлетичная фигура, ей энергия нужна. Аня, хитро поглядывая по сторонам, втихаря подливала водку прямо в вино, а потом, пошатываясь, чуть не сбила Ксюху, мотыляясь между стульями. Таня тоже заметно покраснела от еды и винишка.

— Девочки, а давайте споём! — предложила я, чувствуя небывалый подъём. — Виновата ли я, виновата ли я...

Все тут же восторжеслись и начали подпевать. Но тут Татьяна, чей взгляд уже стал слегка затуманенным, произнесла:

— Холодно что-то... зима. Январь прошёл, а Новый год – мимо.

Ксю согласно кивнула и затянула: «Ой, мороз, мороз...». Сначала грянули стройно, в полную силу, но потом слова предательски вылетели из головы, и мы переключились на что-то другое, не менее душевное.

Подняв глаза, я встретила взглядом с Победоносцевым. Его лицо выражало явное недоумение, словно он увидел привидение среди бела дня. Моргнув, я неожиданно икнула и при-

жала палец к губам: «Тсс!». В этот момент мой локоть предательски соскользнул с края стола, и я едва не клюкнулась лицом в недоеденный расстегай.

Стало понятно, что пришло время прощаться. Тело требовало горизонтального положения: всё-таки ночь в тесном холодном экипаже и сегодняшний стресс давали о себе знать. Мы долго обнимались, обещая держаться вместе. «Мы – команда!» – летело над залом.

Я отошла к окну и прижалась пылающим лбом к холодному спасительному стеклу. В этот момент за спиной раздался сухой кашель тайного советника.

— Полина Андреевна, как вы себя чувствуете? — в его голосе слышалось искреннее беспокойство, смешанное с лёгкой оторопью от нашего импровизированного концерта.

Из последних сил я выпрямила спину, стараясь придать лицу выражение аристократического достоинства, и лучезарно улыбнулась:

— Всё хорошо, не беспокойтесь, ваше высоко перр-пре...восходительство.

— Ну что же... тогда завтра, ближе к обеду я нанесу визит. У меня к вам есть серьёзный разговор.

— Буду ждать пре-пре-непременно! — язык заплетался, но я старалась держать марку, чувствуя, как французские фразы сами лезут наружу. — *À la guerre comme à la guerre...* Константин Петрович. *Excusez-moi!*

Дорога обратно превратилась в настоящую битву с гравитацией. Я то и дело ловила себя на том, что голова сама собой уютно устраивается на плече сопровождающего. Каждый раз, спохватываясь, я резко выпрямлялась и старалась сидеть ровно, сохраняя остатки достоинства вдовы статского советника.

Когда мы, наконец, добрались до дома и пошли по длинному коридору, я выбрала мундир офицера в качестве единственного верного ориентира. Чеканила, как гвардеец на параде. Шаг в шаг, не сводя глаз с его спины. Главное – не упасть и не потеряться.

Поднявшись на наш этаж, мужчина деликатно постучал. Дверь тут же распахнулась, и на пороге возник Жаргал. Видимо, представшая перед ним картина: моё расстёгнутое пальто, сиротливо торчащие из кармана белые перчатки и шляпка, сползшая набок, с наполовину оторванной вуалью, произвела на него неизгладимое впечатление. Я видела, как узкие глаза бурята округлились в изумлении.

Из последних сил я сфокусировалась на нём и, назидательно подняв вверх указательный палец, погрозила:

— Ой, ну вот только не надо этих взглядов... Я пришла? Пришла. На своих ногах! Подумаешь, посидели немножко девочками... Всё. Окончен бал, погасли свечи!

С этими словами я решительно переступила порог, но коварный каблук зацепился за край ковра. Я охнула и неминуемо полетела бы на паркет, если бы Жаргал молниеносно не подхватил меня под локти. Секунду я чувствовала его стальную хватку и невозмутимое спокойствие, но тут же упрямо высвободилась.

— Я сама, Жаргал. Сама... — пробормотала я, стараясь идти ровно.

Добравшись до своей спальни, скинула пальто прямо на кресло. Следом туда же отправилась многострадальная шляпка. Стянув наряд, я тихонечко взвыла. Корсет... Пальцы никак не хотели справляться с тугими узлами и мелкими крючками. Казалось, эта «броня» из китового уса намеренно впилась в рёбра, напоминая о приличиях, которые в этот вечер были так весело нарушены. Пришлось изрядно помучиться, чертыхаясь про себя, прежде чем шнуровка, наконец, поддалась, и я буквально «вывалилась» из этой клетки.

С тихим стоном блаженства рухнула на кровать и натянула одеяло до самого подбородка.

— Больше никогда... — прошептала я в подушку, чувствуя, как комната начинает медленно вращаться. — Отныне трезвость – норма жизни. Однозначно.

Утро не принесло ничего хорошего. Оно внезапно ворвалось в спальню: стоило только приоткрыть веки, как свет полоснул по глазам. Я тут же зажмурилась, и перед внутренним взором, как в калейдоскопе, закружились обрывки вчерашнего корпоратива.

Боже, как же невыносимо стыдно! Я застонала и поглубже зарылась в подушки, пытаюсь спрятаться от самой себя. В голове обозначилась чёткая мысль: какое счастье, что в 1884 году ещё не изобрели телефоны с камерами. «Люба – звезда Ютуба». Как хорошо, что в этом времени нет интернета и соцсетей. Иначе я проснулась бы сегодня «примой» сомнительных хроник. Представляю заголовки: «Полина – Синодальная Малина» или «Вдова-Оторва использовала гвардейское плечо как опору». Весь Петербург смаковал бы, как весёлая вдовица разъезжает по Шпалерной и пытается не вывалиться из экипажа.

Воспоминания о том, как я уютно пристраивалась на плече офицера, а потом едва не рухнула в объятия Жаргала, вызвали новый приступ тошноты и стоны. Я ведь ещё и пальцем ему грозила! «Окончен бал...» – ну надо же было такое завернуть.

В горле пересохло так, будто я всю ночь жевала сухой песок в каракумской пустыне. Сон алкоголика действительно оказался крепок, но предательски короток. Серый рассвет в окне не оставлял шансов: вставать всё-таки придётся.

Я заставила себя сесть на край кровати, и голова тут же отозвалась тяжёлым гулким ударом, будто внутри кто-то зазвонил в колокол Исаакиевского собора. Сколько же я проспала? Судя по тому, как ровно и высоко стоял холодный свет в окнах, времени до обеда было ещё предостаточно.

Мне нужно было не просто умыться, а совершить настоящий акт косметической реанимации. В голове вяло проплыла надежда: «Может быть, Евдокия с мужем не видели меня в таком состоянии?». Но стоило мне бросить взгляд на кресло, куда я вчера в беспамятстве зашвырнула пальто, шляпку и корсет, как остатки надежды испарились.

Поздно метаться. Видели. Или, по крайней мере, точно знают, в каком виде их «высокоблагородие» извоили прибыть домой. Вместо горы смятой верхней одежды на кресле безукоризненно ровно лежал мой домашний халат – тёмно-бордовый, расшитый кружевом пеньюар. И это молчаливое проявление заботы обожгло меня сильнее любого упрёка. Значит, Евдокия уже была здесь, тихо собрала мой вчерашний «позор» и приготовила вещи, пока я дрыхла без задних ног.

Победоносцев – человек стальной закалки с пронзительным взглядом, не должен увидеть перед собой помятую «гулящую вдову». Учёба в монастыре действительно закончилась. Теперь я в Петербурге, и это значит, что наступают суровые будни. Мой статус до сих пор оставался неоднозначным. Вдова статского советника – это прекрасная ширма. Но что скрывается за ней? Какие у меня полномочия? Имею ли право приказывать полиции или я лишь «секретный инструмент» в руках Синода? В чём конкретно будет заключаться моя работа в этом мире, где преступления совершают не только люди, но и сущности?

Тайный советник приедет сегодня, чтобы сорвать этот покров тайны. И мне нужно встретить его во всеоружии – со светлой головой и твёрдым взглядом.

*** À la guerre comme à la guerre... — На войне как на войне...

Excusez-moi! — Простите меня!

Глава 17

Я встала и, слегка пошатываясь, пересекла коридор. Ванная комната, соединённая с ватерклозетом, встретила меня прохладой кафеля. Я прислушалась: из кухни доносилось уютное бряцание посуды. Евдокия уже всю хлопотала над завтраком.

Ледяная вода немного вернула мне ясность мысли. Щедро зачерпнула костяной щёткой зубной порошок и принялась неистово чистить зубы. Наступило невероятное облегчение. До этого казалось, что во рту устроила привал целая кавалерийская дивизия, и ощущения были, прямо скажем, не из приятных. Будто кошки... нагадили.

Выйдя в коридор, я на мгновение растерялась. Стены новой квартиры казались чужими, а затуманенный мозг наотрез отказывался вспоминать, где находится тот самый колокольчик для вызова прислуги. Мне отчаянно нужен был Степан с горячей водой: голову следовало вымыть немедленно, чтобы смыть остатки вчерашнего безумия.

Я пошла на звук приглушённого бормотания, надеясь встретить кого-то из домашних. Толкнула первую попавшуюся дверь и застыла на пороге.

Комната была залита холодным утренним светом, в лучах которого медленно кружились пылинки. Посреди неё на небольшом коврик сидел Жаргал. Его фигура казалась изваянием. Скрестив ноги в позе лотоса, он медленно перебирал пальцами гладкие чётки. Губы бурята едва заметно шевелились, и из самой глубины груди рождался низкий вибрирующий звук, от которого, казалось, мелко дрожали стёкла в рамах.

— Ом-мани-падме-хум... — донеслось до меня.

Мантра текла непрерывным потоком, обволакивая комнату умиротворением, которого мне так не хватало. Я боялась даже вздохнуть, чтобы не разрушить этот момент и проявить неуважение к его молитве. Жаргал сейчас выглядел не просто моим телохранителем или «братом по оружию», а частью чего-то древнего и необъятного.

Наконец, перекатив последнюю бусину, он замолк. Наступила звенящая тишина. Медленно, словно возвращаясь из далёкого путешествия, мужчина открыл глаза. Повернув голову, он посмотрел мне прямо в душу своим всепрощающим взглядом. Легко, почти невесомо поднялся на ноги, а я невольно устояла на его голые ступни на полу – в этом жесте было столько спокойной уверенности.

— Плохо тебе? — коротко спросил он, глядя на моё бледное лицо.

Слова застряли в пересохшем горле. Я только и смогла, что виновато кивнуть. Он, не дожидаясь ответа, подошёл к стоящему в углу комнаты сундуку. Откинул крышку и достал оттуда небольшой пузырёк из тёмного стекла, плотно закупоренный пробкой.

— Пойдём. Вода нужна, — коротко бросил мой напарник, направляясь к выходу. — Сейчас станет хорошо.

Вздохнув, я покорно поплелась за ним, чувствуя себя нашкодившей школьницей рядом с мудрым наставником. Было в его уверенности что-то такое, что заставляло верить: этот эликсир из сундука кочевника справится с последствиями петербургского банкета лучше любых аптечных порошков.

Два часа пролетели в суете, но результат стоил усилий. Благодаря снадобью Жаргала, отдающему горькими травами, туман в голове рассеялся, а желудок перестал бунтовать.

Сидя за накрытым столом, я наконец-то чувствовала себя в здравом уме и твёрдой памяти. Мои волосы, вымытые до блеска и подсушенные у тёплого бока изразцовой печи, были убраны в тугую аккуратную косу, уложенную на затылке узлом. Выглядела «госпожа Туманова» строго и по-деловому.

Наряд полностью соответствовал статусу вдовы статского советника: закрытое платье из чёрного кашемира с высоким воротником-стойкой, отделанным тонким траурным кружевом.

Никаких лишних украшений, кроме простой броши из агата. Я была собранной, серьёзной и абсолютно трезвой.

Евдокия тихо суежилась у стола, расставляя приборы. Она была верхом такта: ни словом или многозначительным взглядом не дала понять, что знает про моё вчерашнее «явление». Только особенно наваристый бульон и идеально заваренный крепкий чай выдавали её молчаливую заботу о моём здоровье.

Внезапный резкий звук заставил вздрогнуть. В передней настойчиво задребезжал колокольчик. Металлический перезвон прокатился по коридору и стих, оставив в воздухе лёгкую дрожь. Оказывается, звонок здесь всё-таки был. Вчера мы его просто не заметили.

Послышались тяжёлые шаги Степана, скрип открываемой двери и приглушённый мужской рокот. Спустя мгновение в столовую стремительно вошёл обер-прокурор Победоносцев. Его сухая фигура в строгом сюртуке сразу заполнила собой пространство, принося с собой запах мороза и государственной важности.

Мы с Жаргалом синхронно встали. Я склонила голову в почтительном, исполненном достоинства поклоне и произнесла:

— Добрый день, Константин Петрович. Благодарю, что почтили мой дом своим визитом. Прошу, пообедайте с нами.

Победоносцев замер. Его пронзительный взгляд из-под очков впился в моё лицо, словно он пытался найти в нём хоть малейший след вчерашнего банкета.

Константин Петрович опустился на предложенный стул. Евдокия, чьё лицо теперь напоминало бесстрастную фарфоровую маску, тут же поставила перед ним приборы. Утром, услышав фамилию гостя, она заметно побледнела, но старая закалка взяла верх: коротко прикрикнув на Степана, она отправила его за свежей провизией, и теперь результат её хлопот впечатлял.

Стол сверкал белизной накрахмаленной скатерти. На нём стояла дымящаяся супница с прозрачным бульоном, блюдо с расстегаями, тонко нарезанный балык, соленья в хрустале и запечённый окорок, источающий аромат гвоздики и можжевельника. Обед начался по всем правилам света: с ничего не значащих замечаний о петербургской изморози и затянувшейся зиме.

Я чувствовала на себе его изучающий взгляд. К моему огромному облегчению, обер-прокурор ни словом не обмолвился о вчерашнем. Видимо, мой безупречный вдовый наряд и ледяная собранность удовлетворили его больше, чем любые оправдания.

Когда Евдокия, совершив последний поклон, бесшумно удалилась, обер-прокурор отложил салфетку. Атмосфера в комнате мгновенно переменилась.

— Полина Андреевна, — начал он, глядя прямо на меня, — я пришёл прояснить ваше положение и задачи. Нам важно, чтобы вы со своим спутником понимали структуру ведомства, в которое вступили.

Он сцепил пальцы в замок, и в этом жесте чувствовалась несокрушимая власть.

— Верховное руководство всеми группами осуществляю лично я. Однако в повседневной службе вы подчиняетесь командиру группы. Как правило, это офицер жандармского управления в чине от ротмистра до полковника. Его задача — координация, постановка задач и, что немаловажно, контроль за вашим состоянием и действиями.

Победоносцев перевёл взгляд на Жаргала, затем снова на меня.

— Госпожа Туманова, вы — наш основной инструмент. Ваша роль — следовательно, ищейка. Вы можете работать как по прямому приказу командира, так и самостоятельно, если почувствуете аномалию. Ваша задача: выявить след, определить характер угрозы и решить, как действовать.

— А если моих сил или компетенции окажется недостаточно? — тихо спросила я.

— В таком случае, — сухо ответил Константин Петрович, — вы привлекаете группу силовой поддержки. Это пять-семь нижних чинов жандармерии, обладающих, скажем так,

зачатками дара. Их достаточно, чтобы не сойти с ума при виде сущности и обеспечить безопасность. Если же дело окажется не вашего профиля, вы докладываете командиру. Он связывается со мной, и я направляю иную группу Стражниц, чьи способности более уместны в данной ситуации.

Он замолчал, давая мне время осознать масштаб. Я внимательно слушала, стараясь запомнить каждую деталь этой невидимой паутины, в которую теперь была вплетена моя жизнь. Порядок, субординация, контроль – всё в духе Константина Петровича.

— Как я смогу связаться с вами или со своим командиром в экстренном случае? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И где мне искать своё начальство?

Победоносцев едва заметно кивнул, словно одобряя мою практичность.

— Каждая группа, Полина Андреевна, работает автономно. У вас нет и не будет единой штаб-квартиры, которая могла бы привлечь ненужное внимание. Командиры, как правило, наносят визиты ищущим сами или передают распоряжения через посыльных из вашего отряда.

Он сделал небольшую паузу, помешивая чай, который уже успел немного остыть.

— Общие собрания я провожу исключительно с командирами. Однако, — его взгляд стал тяжелее, — в случаях особой важности или срочности я буду контактировать с вами напрямую, как сегодня.

Я кивнула, понимая груз ответственности. Но один вопрос не давал мне покоя: вчерашний банкет, девушки... Насколько нам позволено быть близкими?

— А другие? — осторожно начала я. — Мы со стражницами можем видеться?

Лицо обер-прокурора стало ещё более бесстрастным, почти суровым.

— Вам настоятельно рекомендовано не общаться между собой без надзора. Люди из... вашего времени, предоставленные сами себе, склонны совершать совместные глупости, которые могут привести к разоблачению всей структуры. К тому же, — он тонко улыбнулся, и от этой улыбки по спине пробежал холодок, — нежелательные союзы и разговоры нам ни к чему. Государство ценит вашу уникальность, но только до тех пор, пока она служит общему благу, а не частным интересам.

Я почувствовала, как Жаргал едва заметно напрягся. Мы здесь – золотые рыбки в аквариуме, за которыми наблюдает самый внимательный кот империи.

Заметив это мимолётное напряжение в плечах моего напарника, Константин Петрович не спеша запустил руку во внутренний карман своего сюртука. Он извлёк плотный конверт, скреплённый сургучной печатью Ведомства православного исповедания.

— Вот ваши документы, — произнёс Победоносцев, протягивая конверт буряту.

— Теперь, — продолжал обер-прокурор, глядя прямо на Жаргала, — вы не просто странник, а официальное лицо под моим покровительством. Это даёт вам право носить оружие и находиться рядом с Полиной Андреевной повсюду — от министерских прихожих до самых злых трущоб Сенной.

Жаргал не спеша развернул плотные листы. Его взгляд сосредоточенно скользил по каллиграфическим строчкам и гербовым печатям. Он читал медленно, вникая в каждое слово, начертанное чиновниками Синода. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь шелестом бумаг и мерным тиканьем напольных часов.

Убедившись, что каждое слово соответствует действительности, он аккуратно сложил документы и протянул их мне.

— Посмотри, Полина, — негромко произнёс он. — Теперь всё по закону этого города?

Внимательно вчитываясь в сухие казённые буквы, я ощутила странный холодок от того, как легко живой, сложный человек укладывается в несколько строчек на гербовой бумаге.

«Жаргал сын Базара, инородец Забайкальской области, хоринского ведомства...»

Я скользнула взглядом по пунктам: ламаистского исповедания, 32 года, рост средний. Фраза «особых примет не имеет» заставила меня горько усмехнуться про себя: как будто его

особенный взгляд и способность видеть то, что скрыто от простых смертных, можно было счесть отсутствием примет. Но для полиции он теперь был лишь «сопровождающим вдовы Тумановой».

— Надеюсь, — сухо добавил обер-прокурор, допивая чай, — что эти бумаги избавят вас от лишних объяснений с городскими и патрулями. В Петербурге очень не любят людей без определённого статуса. А ваш спутник, Полина Андреевна, — он едва заметно кивнул в сторону Жаргала, — фигура, согласитесь, весьма приметная.

Я сложила листы и протянула назад Жаргалу. Наши пальцы на мгновение соприкоснулись, и я почувствовала его спокойную земную силу.

— Теперь ты официально мой помощник, — негромко сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул под ледяным взглядом обер-прокурора. — Береги эту бумагу.

Жаргал молча принял паспорт. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глубине тёмных глаз мелькнуло понимание. Он спрятал документ во внутренний карман своего одеяния, словно запечатывая наше соглашение с этим городом и этим человеком. Я почувствовала, как в комнате стало чуть меньше искр. Напряжение сменилось деловой сосредоточенностью.

— Что касается группы, Полина Андреевна, — Победоносцев снова повернулся ко мне, — вашим командиром назначен подполковник жандармерии Соколов. Человек резкий, но исполнительный. Он сам найдёт вас в ближайшие дни. До тех пор обживайтесь.

— О деньгах, прошу, не беспокойтесь, — произнёс он ровно. — Ваш покойный супруг, который был мне другом... — тут он сделал едва заметную паузу, — ...в действительности не успел обзавестись семейством. Что, признаться, лишь облегчает обстоятельства нашей легенды.

Он прикрыл глаза, будто вспоминая о чём-то серьёзном.

— Вам назначена пенсия по чину статского советника. Сумма вполне приличная. Кроме того, служба в нашем ведомстве принесёт вам доход более чем ощутимый, — в уголках его губ мелькнула тень усмешки. — Впрочем, недвижимое имущество Александра Николаевича Туманова также переходит к вам. Наследников, помимо вас, не имеется.

Он сделал небольшую паузу, словно взвешивая каждое следующее слово.

— Однако я не желаю, чтобы ваш пытливый ум застаивался в праздности. Помня о вашем весьма... специфическом и полезном образовании, я предлагаю вам заняться тем, что вы умеете делать лучше всего. Сегодня к вечеру доставят архивные документы по всем случаям аномалий, зафиксированным до вашего появления. Изучите их беспристрастно.

Он поднялся, и мы с Жаргалом встали вслед за ним. В его движениях не было суеты — только холодная, выверенная грация. Степан уже ждал в прихожей, готовый подать важному гостю пальто с бобровым воротником. Высокопоставленный чиновник снова внимательно посмотрел мне в глаза.

— Более того, я ожидаю, что после каждого нового дела вы будете вести собственный подробный архив. Мне нужны не просто сухие рапорты, а ваша личная картотека, классификация сущностей и явлений, с которыми вам придётся столкнуться. Пусть это станет коллекцией, своего рода справочником для ведомства. В кабинете вашего покойного супруга созданы все условия для такой службы. Полагаю, тишина этого дома будет способствовать ясности ваших мыслей. А теперь прощайте. Дела империи не ждут.

Глава 18

Морозный воздух после душной залы и тяжёлого чаепития показался мне чистейшим спасительным нектаром. Я глубоко вдохнула, чувствуя, как холод обжигает лёгкие, и в который раз за последние дни поймала себя на ощущении восторга от собственной зоркости. Раньше мир для меня был подёрнут мягкой дымкой, контуры домов и лиц расплывались, заставляя вечно шуриться или поправлять привычную тяжесть очков на переносице. Теперь же Петербург предстал передо мной в своей беспощадной, почти хирургической точности. Мы неспешно пошли по Моховой в сторону Невского. Я видела каждую трещинку на гранитном цоколе особняков. Стежки на дорогой шинели проходящего мимо чиновника и каждую зазубринку на обледенелой мостовой. Мир стал пугающе чётким. Без очков я чувствовала себя беззащитной и одновременно всемогущей, словно с моих глаз сняли не линзы, а плотную завесу.

Жаргал шёл чуть позади. Его фигура в новом сюртуке казалась монолитом. Я видела, как ходят желваки на его скулах и как внимательно, почти по-звериному он следит за каждой тенью в подворотнях. Его присутствие дарило странное спокойствие: среди этого яркого, слишком детального мира он был моей единственной надёжной точкой опоры.

Чем ближе мы подходили к Невскому проспекту, тем гуще становились звуки. К запаху печного дыма примешивался аромат дорогих духов, свежих газет и копоты газовых фонарей. Грохот экипажей по булыжной мостовой отдавался в моих ушах мелкой дрожью. А на границе слуха я уже начинала различать тот самый «фоновый шум» большого города.

И вот, наконец, перед нами распахнулся Невский. Ослепительный, шумный, бурлящий. Поток людей и экипажей казался живым организмом. Я замерла на мгновение, поражённая тем, как много информации теперь обрушивается на меня: я видела блеск пуговиц на мундирах за сотню шагов, замечала мимолётное выражение страха или алчности на лицах прохожих. Город больше не мог спрятаться от меня за туманом.

Мы почти дошли до набережной, где ледяная твердь камней Невского встречается с холодным дыханием воды. Грохот карет и гомон толпы здесь сливались в единый гул. Но вдруг сквозь этот хаос мой слух зацепился за нечто инородное. Это был тонкий противный звук, похожий на то, как кто-то с жадностью допивает остатки напитка через соломинку, втягивая воздух с пустым хлюпаньем.

Звук шёл от одинокой фигурки у самого парапета. Девушка в простеньком пальтишке, из-под которого виднелся подол крестьянского платья, застыла, глядя на тёмные, подёрнутые льдом воды Невы. Благодаря кратковременной оттепели проталины у берега зияли своими тёмными глазницами, образуя чёрные круги на белоснежном полотне. Со спины она казалась совсем юной: тонкая шея, хрупкие плечи, русая коса, выбившаяся из-под платка. Мы уже миновали её, когда я, ведóмая нехорошим предчувствием, обернулась. В этот миг она тоже повернула голову. На меня взглянули глаза, полные невыносимой муки, и обрамлены они были сетью глубоких старческих морщин. Кожа, дряблая и землистая, свисала с её скул, а рот был скорбно опущен, как у глубокой старухи. Это несоответствие юного тела и дряхлого лица ударило меня под дых.

— Господи помилуй... — прошептала она, быстро перекрестилась дрожащей рукой и, рванувшись вперёд, начала перебрасывать ногу через холодный чугун перил.— Жаргал, смотри! — вскрикнула я, указывая назад. Мой спутник среагировал мгновенно, словно только и ждал команды. Он сорвался с места, в два мощных прыжка преодолел разделявшее их расстояние и, когда девушка уже готова была соскользнуть в ледяную бездну, обхватил её за талию. Его огромные ладони почти сомкнулись на хрупком теле. Он легко, как пушинку, переставил девушку обратно на тротуар, подальше от края. Я приблизилась.

Девушка не сопротивлялась. Она замерла в руках спасителя и закрыла лицо ладонями, заходясь в надрывном плаче, который больше походил на хрип. А тот звук: тошнотворное присасывание – стал громче, прямо здесь, рядом со мной.

Я подошла вплотную, чувствуя, как от Невы тянет могильным холодом, а от самой души – невыносимой пыльной горечью старости. Положив руку на её вздрагивающее плечо, я негромко, но твёрдо начала читать молитву.

«Владыко Господи, милостивый и человеколюбивый, призри на рабу Твою сию, в пучину уныния и отчаяния впадшую. Утиши бурю помышлений её злых, отжени от неё духа-губителя, ищущего поглотить душу её. Огради её светом Твоим, да не коснётся её мрак вечный. Даруй ей силу претерпеть скорбь временную и помилуй её, яко Благ и Человеколюбец. Аминь».

С каждым словом тот мерзкий хлюпающий звук, что я слышала мгновением ранее, начал затихать, превращаясь в едва различимое шипение. Девушка под моими пальцами перестала содрогаться в конвульсиях и как-то разом обмякла, её дыхание стало ровнее.

— Как тебя зовут? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально спокойно и буднично, возвращая юницу в реальность из того кошмара, в котором та пребывала.

Она медленно отняла руки от лица, и я снова увидела эту жуткую маску: глаза восемнадцатилетней девушки, теряющиеся в нависающих веках и бороздах морщин.

— Маняша я... — прохрипела она, и голос оказался под стать лицу: надтреснутый и слабый. — Барыня... Она сказала, что я из неё всю кровь выпила своей красотой... И теперь я сама иссохну. И вот... Сохну, матушка. С каждым часом всё старше становлюсь. Помогите... Или дайте умереть: мочи нет на себя в зеркало глядеть.

Жаргал, всё ещё придерживая страдальцу за плечи, вопросительно посмотрел на меня. Чутьё явно подсказывало ему, что это не просто болезнь, а нечто «заразное» в духовном плане.

— Тише, милая, тише... — я обняла её за плечи, чувствуя, как под пальцами проступают острые ключицы. От неё пахло чем-то затхлым, пыльным, словно из заброшенного склепа.

Я вскинула руку, ловя взгляд извозчика, проезжавшего мимо на щегольской пролётке.

— Сюда! Живо! — приказала я тоном, не терпящим возражений.

Жаргал почти внёс Маняшу в экипаж. Мы усадили её между собой. Я прижала девушку к своему боку, пытаюсь согреть своим теплом и одновременно закрыть от холодного петербургского ветра, который теперь казался мне особенно враждебным.

Пока лошади цокали по мостовой, возвращая нас к дому на Шпалерной, я не сводила с несчастной глаз. И видела, как в такт тому самому звуку – невидимому «посасыванию», который я продолжала слышать, на её лбу пролегает новая складка. Время буквально вытекало из неё, словно вода сквозь пальцы.

— Быстрее, — бросила я извозчику, и Жаргал, поняв меня без слов, рывкнул на кучера так, что тот немедленно стеганул лошадей.

Когда мы затормозили у парадного, я уже знала: медлить нельзя ни минуты. Мы буквально пролетели мимо ошеломлённой Евдокии, которая только и успела всплеснуть руками, увидев «старуху» в объятиях Жаргала.

— В кабинет! — скомандовала я. — И закройте двери. Никого не впускать, пока я не позову.

Я зажгла свечу и лихорадочно листала записи отца Сергия, пока не наткнулась на нужную страницу с пометкой «О крадниках жизни». Почерк старца в этом месте становился рваным и плохо читаемым.

— Жаргал, держи её за плечи крепко, — скомандовала я, выхватывая из саквояжа архивную иглу с пожелтевшей костяной рукоятью. — Чтобы ни звука, ни движения. Маняша, смотри на меня! Не в воду, не в тени – только на меня!

Я поставила перед ней серебряную чашу с водой. В тусклом свете кабинета я отчётливо видела то, чего не заметил бы обычный глаз: от темени Маняши в сторону окна тянулся едва

заметный вибрирующий серый жгут. Он пульсировал в такт тому самому хлопаящему звуку, который становился всё громче. Кто-то на другом конце этого жгута с жадностью пил её годы.

Я заговорила, и мой голос, обычно мягкий, обрёл металлическую силу:

— Именем Того, Кто сотворил Свет и Тьму, по праву Стража и властью данной, я взываю к правде! Чьё – вернись к чьему! Живое – останься с живым. Пресекаю нить невидимую, рву связь беззаконную!

Я резко замахнулась иглой, но целилась не в плоть, а в пространство над головой девушки, там, где дрожал серый жгут. Остриё с силой рассекло воздух. Раздался резкий, почти физический звук лопнувшей струны, а следом – тихий захлёбывающийся вскрик, донёсшийся будто бы издалека, с другого конца города. Серый жгут вспыхнул и рассыпался пеплом, не дотев до пола. Я ткнула иглой в заговорённую шкатулку, запечатала её свечой и тут же плеснула водой из чаши в лицо девушки.

— Отойди! — крикнула я тьме, которая на мгновение сгустилась в углах кабинета.

Маняша глубоко, со свистом вдохнула, её тело выгнулось дугой в руках Жаргала. Затем она лишившись сил, затихла. Я замерла, вглядываясь в её черты. На моих глазах, теперь я видела это с пугающей чёткостью, глубокие борозды на её лбу начали разглаживаться, словно невидимый утюг прошёлся по мятой ткани. Кожа из пергаментно-жёлтой становилась мертвенно-бледной, но уже гладкой. Старость отступала, возвращая Маняше её годы, хоть и оставляя на лице печать пережитого ужаса.

Хлопающий звук стих. В кабинете воцарилась тяжёлая ватная тишина. Я не могла оторвать взгляда от этого преображения. Серая, словно припорошённая пеплом кожа наливалась здоровым румянцем, начиная от скул и расплываясь к щекам. А затем, словно кто-то невидимой кистью расставлял крохотные золотые капельки: по переносице и щекам высыпали веснушки. Они появлялись одна за другой, как звёзды на вечернем небе, превращая измождённое старческое лицо в круглое милое личико деревенской девушки.

Маняша моргнула, сначала медленно, растерянно, а потом быстро-быстро, будто проверяя, что глаза её слушаются. Она подняла руки к лицу, ощупала щёки, потом посмотрела на свои ладони – молодые, с гладкой кожей.

— Барыня... — прошептала она, и голос её зазвучал совсем по-другому, звонко и чисто, — Что... что со мной было? — Всё прошло, милая, — сказала я мягко. Девушка сделала неуверенный шаг, словно проверяя, не рассыплется ли её новое молодое тело от движения. Убедившись, что силы вернулись, она вдруг всхлипнула. Прежде чем я успела её остановить, она легко, быстро опустила прямо на колени.

— Барынька, милая, спасительница! — запричитала она, припадая лбом к моим ногам. — Не гоните, молю! Куда мне идти? К той ведьме-то вернусь – загрызёт, до капли выпьет... Уж лучше я вам до самого гроба служить буду: полы мыть, пыль протирать, хоть в ногах спать лягу! Только не отдавайте меня обратно...

Её плечи сотрясались от рыданий, и я видела, как по дороговому ковру расплываются тёмные пятна от её слёз. Я подняла глаза на Жаргала. Он стоял у окна, неподвижный, как изваяние, но во взгляде я прочитала редкое для него одобрение. Бурят едва заметно кивнул, словно подтверждая: «Наш человек, надо брать.»

Я тяжело вздохнула, чувствуя, как внутри разливается тёплое спокойствие.

— Ну, полно, полно тебе, — я мягко положила руку на голову коленопреклонённой, чувствуя мягкость её волос, лишённых теперь старческой сухости. — Встань. В моём доме не стоят на коленях.

— Жаргал, проводи девушку в людскую, — распорядилась я. — Скажи, что она остаётся у нас. Пусть Евдокия её отмоет, накормит и найдёт приличное платье. Нам не мешают лишние руки. А Победоносцеву я сама всё объясню.

Когда дверь за ними закрылась, кабинет погрузился в тишину. Я подошла к окну и взглянула на вечерний Петербург. Почему-то мелькнула мысль, что освобождение Маняши от проклятия связано с чем-то зловещим. Надо записать...

Глава 19

Я села в кресло, ощущая, как дрожат пальцы. Откат после схватки с «крадником» накрыл меня, словно холодная волна, забирая последние капли тепла. Но времени на отдых не оставалось. Пока я помнила все события, нужно было их задокументировать и написать отчёт. Взяв чистый лист, я решительно пододвинула к себе бронзовую чернильницу.

Перо сухо скрипнуло, вгрызаясь в бумагу. *«Ваше Высокопревосходительство, довожу до вашего сведения инцидент, произошедший сегодня на Николаевском мосту...»*.

Слова ложились ровно. Я намеренно чеканила сухой канцелярский слог, подавляя в себе дрожь. Подробно, шаг за шагом, я фиксировала структуру «серого жгута» и пугающее физическое преображение девушки. Это был уже не просто рапорт: передо мной лежал протокол вскрытия аномалии, написанный рукой эксперта.

В дверь негромко, но отчётливо постучали.— Барыня, архивные папки из канцелярии доставили, — Степан внёс две тяжёлые стопки, перевязанные грубой бечевой. От них пахло подвальной сыростью и старой кожей. — Куда прикажете?

— На край стола, Степан, — я не поднимала глаз от письма. — Попроси Евдокию приготовить чаю. Сладкого и покрепче.

Не успела за слугой закрыться дверь, как в прихожей раздался требовательный резкий звонок. Я замерла, так и не донеся пера до чернильницы. Слишком много гостей и событий для одного дня. Через минуту Степан вернулся, и вид у него был по-настоящему озадаченный.

— Барыня, подполковник Соколов пожаловали. Говорят, дело срочное, не терпящее отлагательства.

Я медленно выдохнула и прикрыла неоконченный рапорт чистой промокашкой. Соколов. Мой непосредственный начальник.

«Ну что же, видимо, покой нам только снится.», — пробурчала я себе под нос, чувствуя, как усталость сменяется глухим раздражением.

«Обживайтесь, Полина Андреевна, — мысленно передразнила я вкрадчивый голос Победоносцева. — Подполковник навестит вас в ближайшие дни.». Гляди-ка, как оперативно работают: и архив притащили, и начальство уже на пороге.

— Проводи господина в гостиную, — распорядилась я, вставая и поправляя кружевные манжеты. — И позови Жаргала. Мне нужно, чтобы он был рядом.

Мы вошли в гостиную, где в неярком свете керосиновых ламп уже ждал гость. При виде нас он легко поднялся из глубокого кресла, и я невольно зафиксировала взглядом его выправку — безупречную, чисто военную.

Подполковник был из тех мужчин, чьё присутствие мгновенно меняет атмосферу в комнате. Высокий, подтянутый, в идеально сидящем мундире, он казался воплощением благородства и скрытой силы. Ему было около тридцати пяти. Густые тёмные волосы. Аккуратная бородка и усы не скрывали волевых черт лица. Но особенно притягательными были его глаза — пронзительно-голубые, цвета весеннего невского льда, они смотрели прямо и очень внимательно.

— Подполковник Соколов Арсений Николаевич. К вашим услугам, Полина Андреевна, — он чётко, по-офицерски щёлкнул каблуками и отвесил короткий поклон. Его голос, глубокий и бархатистый баритон заполнил тишину комнаты.

Затем он перевёл взгляд на Жаргала, стоящего чуть позади меня. Его брови едва заметно сошлись у переносицы, а в глазах промелькнуло холодное недоумение.

— Рад знакомству, — произнёс он, вновь обращаясь ко мне, но уже более официально. — Однако дело, с которым я прибыл от Константина Петровича, весьма деликатно. Можем

ли мы поговорить наедине? Полагаю, вашему человеку... — он сделал небольшую паузу, — ...лучше подождать в коридоре.

Я почувствовала, как внутри закипает спокойное упрямство. Я не собиралась позволять кому-либо, даже такому эффектному мужчине, отодвигать Жаргала на задний план.

— Арсений Николаевич, — я выпрямилась, встречая его взгляд своим, — вынуждена вас поправить. Жаргал не слуга. Он мой помощник. Константин Петрович полностью легализовал его нахождение здесь. У меня нет от него секретов.

Соколов чуть прищурился, в его взгляде мелькнуло любопытство, смешанное со скепсисом. Я же продолжила, решив выложить главный козырь:

— К тому же обер-прокурор упоминал, что у вашей группы есть способности, но выражены они довольно слабо. Так вот, я хочу со всей ответственностью заявить: Жаргал обладает древним даром деда-шамана. Он чувствует нечисть за километры, когда мы с вами ещё только строим догадки.

Соколов медленно подошёл к моему спутнику. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза — два хищника разной породы, признающие силу противника. В гостиной повисла такая тишина, что было слышно, как потрескивает нагар на свече. Затем подполковник, вопреки всем незыблемым правилам сословного этикета, медленно протянул руку.

— Рад видеть в наших рядах человека с таким... исключительным дарованием, — произнёс он низким серьёзным голосом.

Этот жест был сродни выстрелу. Офицер его ранга, потомственный дворянин, подающий руку тому, кто официально числился лишь безродной тенью при вдове... Арсений Николаевич явно давал понять: здесь, в этой комнате, сословные преграды и табели о рангах отступают перед лицом той силы, которую они оба представляли.

Жаргал ответил на рукопожатие не сразу. Его пальцы, привыкшие к холодной стали ножа и гладкому дереву чётков, медленно сомкнулись на ладони подполковника. Короткий сухой жест — негласный договор был скреплён.

— Госпожа Туманова, — Соколов резко обернулся ко мне. В его глазах я поймала странный блеск — опасную смесь охотничьего азарта и глубокой застарелой усталости. — Простите за столь поздний визит. Но, боюсь, у нас нет времени даже на чашку чая.

Он заговорил отрывисто, отбросив излишнюю светскую мягкость:

— У меня прямое распоряжение от Константина Петровича. Мы должны немедленно выехать к его близкому другу. Григорий Захарович Русаков — человек в Петербурге известный, камергер двора Его Величества. Ситуация в его доме на Мойке... за гранью понимания даже для наших специалистов. Сестра Григория Захаровича больна. Экипаж ждёт у подъезда.

«Григорий...» — эхом отозвалось в моей голове. Перед глазами мгновенно всплыла та душная монастырская келья и хриплый, пропитанный нетерпением голос за дверью. «Гриша», — так называл его обер-прокурор, когда они шептались обо мне, не подозревая, что мой слух уже обрёл сверхъестественную остроту. Я отчётливо вспомнила раздражение в интонациях собеседника Победоносцева и ту странную фразу: «есть всего полгода».

Значит, целый камергер? Теперь понятно, отчего в его голосе было столько властной уверенности. И вот, спустя столько времени судьба снова сводит нас. Только теперь я уже не та беспомощная «барышня», лежащая пластом.

— Что с его сестрой, Арсений Николаевич? — уточнила я и кивнула Жаргалу. Он сразу всё понял и вернулся в кабинет за вещами, которые могли мне понадобиться.

— Ольга Захаровна... — Соколов на мгновение замаялся, подбирая слова. — Это безумие длится почти полгода. Днём она — тень, прикованная к постели: бледная, едва дышащая. Но как только город накрывает полночь, девушка исчезает из запертой комнаты. Бесследно.

Я слушала его, и внутри меня всё сжалось от нехорошего предчувствия.

— За год до этого, — продолжал Соколов, глядя в тёмное окно, — его средняя сестра Елизавета страдала от такого же недуга. Через полгода она почилла. Камергер боится, что сценарий повторится, и он не успеет спасти младшую.

Его слова не внесли ясности, и я указала рукой на выход, чувствуя, как внутри разгорается холодное любопытство.

— Идёмте. Остальное расскажете в карете.

Я подошла к вешалке, где висело моё суконное пальто на лисьем меху с высоким воротником, способным укрыть от злого балтийского ветра. Евдокия уже суежилась рядом, подавая мне тёплый капор и меховую муфту.

— Обувь, Полина, — тихо напомнил Жаргал, указывая на мои ботинки на тонкой подошве.

Я послушно переобулась в крепкие сапожки с меховой оторочкой. Мы вышли в подъезд, и Соколов распахнул перед нами дубовую дверь. Февральский воздух Петербурга ударил в лицо миллионом ледяных игл. У подъезда переступали с ноги на ногу две вороные лошади, запряжённые в закрытую карету на высоких рессорах. Пар из их ноздрей густыми облаками поднимался к низкому небу, смешиваясь с холодным воздухом.

— Прошу вас, — Соколов помог мне подняться по ступенькам. — Внутри жаровня, не замёрзнете. Нам ехать недолго, но разговор будет непростой.

Дверца захлопнулась, отсекая шум улицы и колючий ветер. В полумраке кареты пахло кожей и дорогим табаком.

— Григорий Захарович в отчаянии, Полина Андреевна, — заговорил он, когда экипаж тронулся и с грохотом покатился по ухабам. — Ольга — его единственная слабость. Полгода назад она начала... угасать. Сначала просто бледность, потом обмороки. А в последний месяц началось то, чему нет объяснения. Из запертой на три замка комнаты с решётками на окнах девица исчезает ровно в полночь. Охрана стоит у дверей и ничего не видит. Слышат только... пение. Тихое такое, заунывное, будто не человек поёт, а ветер в пустом храме.

Слова Соколова упали в тишину кареты, тяжёлые, как могильные плиты. Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. И дело было вовсе не в февральском морозе за окном.

— Елизавета почилла, а теперь Ольга? — я посмотрела в окно, где в свете газовых фонарей мелькали заснеженные фасады доходных домов. — Значит, всё повторяется с пугающей точностью. Полгода угасания и... конец. Арсений Николаевич, вы сказали «из запертой комнаты». Это буквально? Замки, засовы, охрана у дверей?

— Именно так, — кивнул Соколов, его лицо в полумраке казалось высеченным из камня. — Григорий Захарович превратил её спальню в крепость. Но каждое утро её находят либо в саду на снегу в одной сорочке, либо в заброшенной части особняка. Она ничего не помнит. А её тело... оно становится всё прозрачнее, будто жизнь из неё выпивают по капле. Я вспомнила тот хриплый голос Русакова в монастыре: «У нас есть полгода». Теперь его раздражение и спешка обрели леденящий смысл. Он не просто капризничал, а отсчитывал дни до смерти последней сестры. И он знал, что медицина тут бессильна, раз искал помощи у Победоносцева и отца Сергия.

— Жаргал, — я обернулась к своему спутнику, который сидел неподвижно, прикрыв глаза. — Ты что-нибудь чувствуешь? Мы ещё не доехали, но воздух Петербурга... он ведь тоже умеет хранить следы.

Жаргал не открыл глаз, лишь едва заметно шевельнул пальцами, перебирая чётки. — Город пропах кровью и стоячей водой, Полина, — тихо отозвался он. — Но там, куда мы едем, пахнет... холодной землёй. Той, что не принимает мертвецов.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.